

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Отрок московский

Гонец московский

Владислав Русанов

Отрок московский

«АСТ»

2011

Русанов В. А.

Отрок московский / В. А. Русанов — «АСТ», 2011 — (Гонец московский)

«Золотой» караван идет на Русь. Четыре рыцаря-храмовника везут в Москву сокровища тамплиеров. Московский князь Иван Данилович, еще не получивший прозвища Калита, выслал навстречу отряд дружинников, но в игре – не только он. Тверской князь Михаил, ордынец Явлач-хан, Ливонский Орден... Многие жаждут завладеть сокровищами. Но есть еще четверо: отрок Никита, ученик отшельника Горазда, Улан-мэгрэн, младший сын татарского нойона, Василиса, дочь князя смоленского, и Вилкас... просто литвин. Обстоятельства складываются так, что именно от быстроты и отваги этой четверки зависит судьба сокровищ Храма...

© Русанов В. А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Пролог	5
18 декабря 1307 года от Р. Х	5
Глава первая	13
Хмурень[14] 6815 года от Сотворения мира	13
Глава вторая	20
Хмурень 6815 года от Сотворения мира	20
Глава третья	27
Хмурень 6815 года от Сотворения мира	27
Глава четвертая	34
Хмурень 6815 года от Сотворения мира	34
Глава пятая	43
Студень 6815 года от Сотворения мира	43
Глава шестая	53
Студень 6815 года от Сотворения мира	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владислав Русанов

Отрок московский

История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь создавая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Н. М. Карамзин. История государства Российского

Пролог

18 декабря 1307 года от Р. Х Мели Некмансгрундет, Балтийское море

Когда когг¹ Торгейра Плешивого миновал Моонзунд, пошел мокрый снег. Небо затянуло тучами. Такими низкими, что казалось: дотянуться до них можно если не с палубы, то, по крайней мере, с топа мачты. Снасти обмерзали, покрываясь тоненькой, блестящей корочкой. Чтобы подняться по вантам в «воронье гнездо», дозорным морякам приходилось проявлять чудеса ловкости. Цветные паруса промокли и хлопали под порывами ветра, будто старые тряпки.

Зимнее море приветливым не бывает. Серая пена на мутно-зеленых волнах подобна грязи. Стылый ветер срывает с гребней ледяные брызги и мечет их в лица тех храбрецов, что рискнули выйти из-под прикрытия поросших сосняком берегов и глубоких заливов.

Между островами Эзелем и Дагё волны несли топляки и обломки льдин, оторванных от берега. Торгейр не боялся – этот мусор мог быть опасным для рыбацких лодчонок, но его прочный, обшитый «внакрой» когг обращал на них не больше внимания, чем могучий красавец лось на кружащие над ним тучи комарья. Шедшие в кильватере корабли Ресвальда Рваная Ноздря и Эйрика Шило ни в чем не уступали «Бурому медведю». Те же округлые обводы и пузатые борта, вместительные трюмы и широкие паруса, способные ловить малейшее дуновение ветра. Ватаги, поднявшиеся на борт коггов в Ревельском порту, могли соперничать даже с дружинами викингов, некогда бороздившими эти воды. Да и занимались они, если говорить по-лоху, тем же самым. Торговля, перемежаемая с грабежами. Ведь иногда бывает выгодно товар купить, чтобы потом дороже перепродать, но самая высокая прибыль получается, если необходимый для торговли товар удастся отобрать у более слабого или нерасторопного купца. Торгейр любил, приканчивая третий бочонок пива в самом дорогом заведении Ревеля «Голова дракона», хвастаться, называя себя последним викингом нашего времени. Его собутыльники, привыкшие пить и гулять за счет грубого, но щедрого капитана, не возражали. А если бы нашелся хоть кто-нибудь, осмелившийся напомнить, что последним викингом еще сто лет назад северяне звали Харальда Сурового, то расправа была бы скорой. Плешивого

---

¹ Когг – одномачтовое палубное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащённое прямым парусом и навесным рулем, в XIII–XV веках – основной торговый и боевой корабль Ганзейского союза.

уважали вовсе не за мудрость и рассудительность, а за умение мгновенно выхватывать нож и бить без всякой жалости.

Подобно пращурам, чьи драккары бороздили омывающие Европу моря, наводя ужас на жителей прибрежных сел и городов, Торгейр решал все возникающие вопросы быстро, раз и навсегда. Он по праву гордился великими предками, грабившими латинян и ромеев, саксов и ирландцев, бодричей и словенов. Сюда, в Эстляндию, они приплыли вместе с датским королем Вальдемаром и обосновались всерьез и надолго. И хотя Датское королевство переживает сейчас нелучшие времена, его мощь по-прежнему устрашает и немцев, и русичей, не говоря уже о диких эстах, ливах и финнах. Есть ли еще на водах Балтики мореходы, способные сравняться с датчанами? Ну, если быть честным до конца, разве только шведы... Ганза? Они сильны мощной, но не оружием. Новгородцы? Эти добрые бойцы, да только числом не вышли. Рыцари-крестоносцы? Отличные воины. Плешивый не хотел бы встретиться в бою с кем-либо из них на суше. Но на море один датчанин стоил десятка братьев-рыцарей.

Не случайно именно к нему обратился посланник комтура Дерптского с предложением, от которого просто невозможно отказаться. Великий магистр Ливонского Ордена, брат Готфрид фон Роге, за полгода перед тем успокоил рижских бюргеров, наголову разбив их с бору по сосенке собранное войско. Отомстив таким образом за погибшего на реке Трейдере предшественника, брата Бруно, за разрушенный Рижский замок Ордена, брат Готфрид обратил взор на юго-восток, где литовский князь Витень начал набирать много воли, в открытую бряцая оружием у орденских рубежей. Для успешной войны нужно золото, много золота. Это понимает всякий, даже не слишком искушенный в воинском деле. Тут дружба с богатым Ревелем могла дать хорошие плоды. Братья-ливонцы зачистили в крепость.

За три дня до Адвента² к Торгейру Плешивому подошел человек, закутанный в темный, сработанный из грубого сукна плащ. Широкий разворот плеч и гордый постав спины выдавали в нем военного. Под защищавшим от дождя и ветра одеянием оказалось другое – белое с красным крестом и красным мечом. Ливонское ландмайстерство – с первого взгляда видно. Рыцарь передал поклон от Реймара Гане, которому Торгейр оказывал несколько важных услуг еще до избрания на комтурство. А потом представился, назвавшись братом Генрихом фон Бауштайдом.

– Чем могу служить? – хитро прищурился датчанин, сдувая плотную желтоватую пену с кружки. – По мере моих слабых сил, само собой...

– Брат Реймар помнит тебя, храбрый мореход. Он много раз рассказывал мне о той обстановке, с которой ты выполняешь наши маленькие поручения...

«Маленькие? – чуть не полез пятерней в затылок Торгейр. – Ну, если та заварушка, в которой мне пришлось положить лучшего комита³ и двух проверенных бойцов, маленькое поручение...»

Но вслух он сказал:

– Я горжусь дружбой с защитниками Святой Веры.

По губам рыцаря скользнула презрительная усмешка.

– Брат Реймар не сомневается в этом.

Плешивый ждал, прихлебывая пиво. Показывать любопытство? Да не дождетесь!

– Наше новое предложение сулит немалую выгоду, – вкрадчиво начал брат Генрих. – Конечно, оно будет сопряжено с немалой опасностью... – Крестоносец огляделся по сторонам. – Нет ли здесь лишних ушей? Не лучше ли нам будет поговорить где-нибудь в другом месте?

² То есть 1 декабря. Адвента – первый праздник римско-католического года – попадает на 3 декабря.

³ Комит – должность, аналогичная боцману.

– К чему? – небрежно бросил Торгейр. – В шумном и людном зале подобраться, чтобы подслушать, труднее, чем в подворотне. Да и холодно там... Просто прикрывайте рот ладонью, брат. Вдруг кто-то из здешних завсегдатаев может читать по губам?

– Хорошо, – кивнул рыцарь. Продолжал, сложив ладони вокруг рта, будто бы хотел выкрикивать слова погромче. – Ты слышал, должно быть, что король Франции, Филипп Красивый, арестовал всю верхушку Ордена бедных рыцарей Иисуса из Храма Соломона⁴?

Моряк кивнул многозначительно, хотя, признаться честно, слышал только дальние отголоски событий «черной пятницы». Да и не очень-то его интересовали какие-то стычки между французским монархом и заносчивыми рыцарями Храма. Где Ревель, а где Париж?

– Филипп обвинил Великого магистра, а с ним и весь Орден Храма, во множестве грехов – ростовщичестве, идолопоклонничестве, содомии...

– А признайтесь честно, брат, – осклабился Торгейр. – Был такой грешок?

– Не судите и не судимы будете... – привычно ответил словами Евангелия рыцарь. – Всякому здравомыслящему человеку очевидно, что король Франции вовсе не боролся с грешниками, а стремился наложить лапу на сокровища Ордена Храма. Ведь ни для кого не секрет – богатства тамплиеров неисчислимы.

– Да?

– Истинно так.

– Становится все интереснее. – Датчанин рукавом отер пену с усов.

– Ты прав, храбрый мореход. Сейчас я расскажу тебе, что Филипп просчитался. Вернее, Жак де Моле оставил его с носом. В парижской резиденции Тампля сокровищ оказалось слишком мало. Настолько мало, что Гийом де Ногарэ совершенно справедливо рассудил – храмовники догадывались о готовящемся нападении и заблаговременно припрятали награбленные в Палестине богатства. Ты следишь за мыслью?

– Продолжайте, брат-рыцарь, прошу вас. Мне чертовски интересно.

– Не поминай Сатану, сын мой, – перекрестился брат Генрих. – К чему богохульством переполнять чашу грехов своих?

– *Mea culpa*⁵... – смиренно отозвался Плешивый, которому вовсе не хотелось настраивать против себя представителя могущественного Ордена.

– Чистосердечно раскаявшегося да простит Господь, – кивнул рыцарь. – Великий магистр Ордена Храма приказал вывезти сокровища из Тампля и из Франции. Нам стало известно...

«Откуда же?» – подумал Торгейр и тут же поперхнулся, закашлялся.

Брат Генрих терпеливо ждал, пока его собеседник прочистит глотку, а после продолжал:

– Нам стало известно, что значительная часть золота и серебра, принадлежащая тамплиерам, отправлена из Ла-Рошели по морю в русские земли.

– В русские? – не выдержал датчанин.

– Да. Именно так. Жак де Моле стоворился с московским князем... Жоржем, кажется так...

– Георгием, что ли? Внуком князя Александра? – вторую часть фразы: «Который вашего брата на Чудском озере смертным боем бил», Торгейр благоразумно произнес про себя.

– Да, – кивнул немец. – Почему эти мохнатые руссы не могут брать обычные человеческие имена? Что за дикость?

«Зато они очень хорошо держат в руках мечи, если приспееет нужда. Что бы было с вашей Священной Римской империей, да и со всеми рыцарско-монашескими орденами вместе взятыми, если бы они грудью не прикрыли вас от Орды?» – опять с трудом сдержался датчанин. В отношении себя он вполне справедливо полагал, что, увидав мохнатых низкорослых коней

⁴ Полное название Ордена Храма.

⁵ Моя вина (лат.).

и узкоглазых диких всадников под стенами Ревеля, он не задержался бы в порту дольше, чем потребовалось бы на рубку швартовых. А до островов и фьордов верхом не доберешься – ищи-свищи...

Ливонец истолковал улыбку, искривившую губы моряка, по-своему.

– Руссы не заслуживают такого подарка со стороны Ордена Храма, не так ли? И тем не менее, наши лазутчики донесли, что восемнадцать судов прошли из Северного моря, через Скагеррак и Каттегат в Балтику.

– Зимой? Рискованно...

– У них нет другого выхода. Приказ Великого магистра надлежит исполнить или умереть! – Брат Генрих многозначительно поднял палец к закопченному потолку. – Их хотели перехватить около Зеландии...

– Перехватить? – слегка приподнял бровь Торгейр.

– Всегда находится много охочих прибрать то, что плохо лежит, – не вдаваясь в подробности, пояснил рыцарь.

– Это так. И что же помешало?

– Когда корабли герцога Мекленбургского ждали французов в Большом Бельте, те проскочили через Зунд. В тумане. Ночью. В прямой видимости от крепости Роскилле.

Плешивый присвистнул.

– Будь я проклят! Вот это мореходы!

– Позже их видели рыбаки севернее Рюгена. Не знаю, можно ли им доверять, но по всему выходит, что судов сейчас не больше дюжины.

– А что вы хотели? С Зундом не шутят. Еще легко отделались.

– Это так. Но капитул Тевтонского Ордена, поразмыслив, решил, что всё богатство братьев-храмовников может достаться пучине морской.

– А это было бы, по меньшей мере, расточительно! – хохотнул датчанин.

– По меньшей мере, да, – не стал спорить рыцарь. – Наш Орден вынужден нести свет истинной веры диким язычникам здесь, на севере, где трудно обогатиться за счет побежденных народов. Вольно же тамплиерам было накопить свои сокровища: охрана паломников, богатые сарацинские города... На что можем рассчитывать мы? Лишь на отчаянное сопротивление схизматиков⁶. А расходы на содержание армии, на возведение замков ничуть не меньше, чем у храмовников или иоаннитов. И даже больше...

– Я всецело согласен с вами, брат-рыцарь, – почтительно произнес Торгейр, в душе хохоча во все горло. Вот они – борцы за веру! Ни о чем, кроме золота, думать не могут, словно купцы какие-то.

– По нашим расчетам, французские суда должны пройти южнее Готланда и, обогнув Моонзундские острова, направиться напрямик к устью Невы.

– То есть, брат-рыцарь, если я правильно вас понял, их нужно перехватить неподалеку от Ревеля...

– Ни в коем случае! – воскликнул ливонец. Огляделся по сторонам – не привлек ли он внимание любопытных свидетелей? – Ни в коем случае, – повторил он уже спокойнее.

– Почему? – сделал глупое лицо мореход.

– Ну, во-первых, здесь владения датской короны.

– Так на то договор в Стенби⁷ заключали.

– А ты не путай борьбу с язычниками и морской разбой... – прорычал брат Генрих и осекся. Прижал ладонь ко рту. Несколько мгновений помолчал, испуганно поводя глазами по

---

⁶ То есть православных.

⁷ Договор между Ливонским ландмайстерством и Датским королевством, касающийся совместной обороны Датской Эстонии от язычников.

сторонам. – Я хотел сказать, что по договору в Стенби мы с Датским королевством делим земли, отвоеванные у язычников. Из расчета: две трети – Дании, а одна треть – Ордену. О дележе воинской добычи, тем паче взятой на море, там речь не идет.

– А-а-а... – протянул Плешивый, будто раньше ему было невдомек.

– Скажи мне, Торгейр, ты готов помочь Ордену?

– Ну...

– Одна десятая, – верно истолковал его заминку рыцарь.

– Погодите, брат. Дюжина кораблей. А у меня лишь «Бурый медведь». На одного моего сколько французов придется?

– Я подумал об этом. Можешь пригласить еще двоих капитанов. Надежных, проверенных. Из тех, кто не побежит в драке и кто не станет болтать после. Сумеешь?

– Само собой, – кивнул Торгейр. И, не задумываясь, предложил: – Ресвальд Рваная Ноздря и Эйрик Шило.

– Ты за них ручаешься?

– Ручаюсь. Но с условием.

– Это еще с каким? – нахмурился ливонец.

– Одна десятая – каждому, а не на троих.

Рыцарь посопел, потер бороду кулаком.

– Согласен.

– Согласен? Тогда по рукам!

Торгейр протянул через стол широченную, как лопата, ладонь, и рыцарь, брезгливо поморщившись, пожал ее.

– Орден поможет вам бойцами. Десяток братьев-рыцарей и полсотни сержантов⁸.

«Ага... Заодно они последят за правильностью дележа, не так ли?»

– Я сам пойду на твоём корабле, храбрый Торгейр.

– Благодарю за оказанную мне честь, – слегка усмехнулся датчанин. – Но вы, брат Генрих, что-то начинали говорить о месте, где французские суда надлежит перехватить.

– Да. Начинал. И теперь продолжу. Я думаю, они станут огибать Моонзундские острова с севера. Вот около Дагё... эсты называют его Хийумаа...

– Я знаю.

– Значит, там и перехватишь, если знаешь. Кроме рыбаков со своими лодчонками, там никого не бывает. Захваченные корабли тебе следует доставить в Пернов. Там золото перегрузят на телеги и привезут в Венден. Все ясно?

– Ясно, брат Генрих.

На том и порешили.

На Святого Николая⁹ три когга покинули Ревель. Медленно двигаясь галсами из-за сильного встречного ветра, они потратили десять дней, чтобы добраться до островов Моонзунда. Здесь, давая роздых уставшим морякам, Торгейр укрылся между Эзелем и Дагё. А после небольшой передышки взял курс на норд-вест.

Два дня они бороздили море вдоль безлюдной западной оконечности Хийумаа. Смотрели на бесконечные гряды дюн.

Ветер крепчал. Обложной дождь снизил видимость до одной мили. Впередсмотрящих приходилось загонять на «воронье гнездо» едва ли не силой. Не помогала даже объявленная капитаном награда.

---

⁸ Брат-сержант – член духовно-рыцарского ордена рангом ниже, чем рыцарь.

⁹ Праздник Святого Николая отмечается 6 декабря.

Только брат Генрих денно и ночью торчал на фордеке. Вцепившись пальцами в планширь, он вглядывался и вглядывался в мельтешение волн и серую мглу над ними. Рыцарь не замечал струек воды, стекающих с промокшего насквозь капюшона на глаза и щеки.

Кривой Свен, сменяя Торгейра у колдерштока¹⁰, буркнул:

– Хоть бы он свои буркалы проклятые все проглядел...

Капитан, хоть и сам был уже не рад, что поддался жадности и повелся на предложение ливонца, показал помощнику кулак и, лавируя между намертво закрепленными на палубе бочонками, прошел к рыцарю.

– Людям свойственно ошибаться, – начал он издалека.

Брат Генрих не ответил, только скосил взгляд, будто запряженная в телегу лошадь.

– Они могли забрать далеко на север от Готланда. Могли проскочить Моонзунд раньше. Могут пережить непогоду где-нибудь в бухте. А могут давно лежать на дне...

– Не смей! – с искаженным лицом выкрикнул рыцарь. Развернувшись, намереваясь то ли ударить датчанина, то ли просто сграбастать за грудки. Но очередная волна качнула «Бурого медведя», и ливонец, нелепо взмахнув руками, завалился на Торгейра.

Моряк подхватил рыцаря за плечи. Встряхнул.

– Не срывай на мне зло, брат Генрих! Палуба скользкая – не ровен час, можно поскользнуться и свалиться за борт.

– Мы должны разыскать французов, – четко, по слогам произнес ливонец. – Во что бы то ни стало...

Его прервал крик передсмотрящего:

– Есть! Слева по борту!

Торгейр отпустил схватившегося за такелаж рыцаря, прикрыл глаза ладонью от холодных капель.

Да! На серо-зеленой волнующейся поверхности моря виднелись темные продолговатые силуэты. Еще слишком далеко, чтобы точно понять, что это. Но можно попытаться сосчитать...

– Сколько их? – Пальцы ливонца сжали локоть моряка.

– Пять, кажись... Или шесть...

– Скорее туда!

Датчанин и сам загорелся пуще соломы. Ну наконец-то!

Он махнул рукой Свену, приказывая завалить корабль влево.

– Мэли, капитан! – преодолевая свист ветра и хлопки заполоскавшего паруса, проорал в ответ Кривой. – Некмансгрундет!

– Я знаю! – топнул тяжелым башмаком Торгейр. – Осторожно правь. Здесь песчаные мели, – пояснил он рыцарю.

– Ну и что?

«Вот крыса сухопутная!»

– Мели опасны, – громко, но спокойно заявил капитан. – Волна постоянно гоняет песок туда-сюда – нанести их на карту невозможно. Но корабль, попадая на мель, рискует с нее не сойти. Особенно в такую волну, как сейчас! Его просто на куски поломают!

Рыцарь не ответил, во все глаза всматриваясь в очертания приближающихся судов.

Датчанин присоединился к нему.

Да, плоскодонки. Новгородцы называют такие насадами. В их вместительное, с наращенными бортами брюхо удобно грузить сыпучие товары. Зерно, например. Но золото?

---

¹⁰ Колдершток – рычаг для управления рулем на старинных судах.

Все-таки не шесть, а пять. Причину своей ошибки он понял очень быстро. Один из кораблей засел на песчаной банке¹¹ и уже развалился напополам. Сломанная мачта свесилась, касаясь топом воды, а парус накрывал палубу, будто скатерть.

– Где же остальные? – прошептал ливонец.

– Где-где... – ворчливо отозвался Торгейр. – Потонули небось... Ты прости, брат Генрих, мне нужно к abordажу готовиться... – С этими словами он вернулся на корму, принял из рук Свена колдершток.

Одноглазый рубака радостно оскалился – все ж таки не зря мерзли и терпели всяческие неудобства – и нырнул в трюм. Вскоре оттуда послышались раскаты его голоса, а вооруженные и одетые в бригантины¹² ватажники принялись высказывать один за другим на палубу. Многие озирались спросонку, но топоры, самострелы и корды¹³ сжимали крепко. Выбрался и Свен, который напялил на голову шлем с бармицей, купленный по случаю на псковском торгу.

– Убрать парус!!! – гаркнул капитан, когда расстояние между «Бурым медведем» и засевшими на мели кораблями сократилось до полета арбалетной стрелы. Все-таки он опасался с размаху налететь на песчаную банку и повторить участь французов.

Датчане дружно налегли на фалы, и рей опустился на палубу.

С проклятиями из-под мокрого полотнища выбрались двое рыцарей-ливонцев. Соприкосновение с холодной парусиной изгнало из их сердец смирение и благостность. На взгляд Торгейра, ругались они похлеще, чем портовые грузчики.

– Почему медлишь? – воскликнул брат Генрих, указывая на французов острием клинка.

– То, что продвигается медленно, продвигается уверенно, – старинной норвежской пословицей ответил капитан. И добавил, видя недоумение, смешанное с ожесточением, которые отразились на лице ливонца, как облака в луже: – Они в наших руках. Никуда не денутся.

И тут на его глазах набежавшая волна подхватила кормовую часть разломленной ладьи и перетащила на глубокое место. Только пузырь, большой и грязно-белый, вздулся и лопнул на месте исчезновения обломка.

– Ты этого ждешь?!! – Рыцарь схватился за меч.

– Я не хочу оказаться на их месте! – прорычал в ответ датчанин.

Он внимательно присматривался к французским судам – не покажутся ли на борту люди, способные оказать сопротивление? Кто-то вроде бы шевелился, но, сколько их там и намерены ли они обороняться, сказать трудно. И Торгейр решил.

– Отдать якорь! – скомандовал он, надеясь, что Ресвальд и Эйрик догадаются последовать его примеру. – Лодки на воду!

Заскрипели блоки.

Рыцари с сержантами, подгоняемые братом Генрихом, первыми рванулись к штормтрапу.

Неторопливо взмахивая веслами, опасно кренясь, скрываясь за длинными грядами волн, лодки ползли к застрявшим плоскодонкам.

Торгейр, поручив колдершток более-менее смышленому моряку, внимательно следил, как датчане окружают первый корабль. Словно волки старого и ослабевшего зубра. Хотелось надеяться, что одноглазый Свен сумеет сдержать порыв ливонцев и не даст увлечь себя в ловушку.

Первые крючья зацепились за обшивку самого большого насада. Никто не сопротивлялся. Не рубил веревки, по которым ползли нападающие. Не стрелял, не сбрасывал на голову врагу бочки и мешки, да хоть бы лавки, на худой конец.

---

¹¹ Банка – мель.

¹² Бригантин – защита корпуса, состоящая из пластин, нашитых или наклепанных изнутри на тканевую или кожаную основу.

¹³ Корд – колющее и рубящее оружие с широким коротким клинком.

Неужели французы сбежали?

Или...

Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе старого морского волка.

И тут...

Взламывая палубу и прочную обшивку бортов, посреди самого первого корабля, казавшегося беззащитной добычей, вспух огненный шар. Ярко-рыжий с багровыми прожилками, обрамленный обломками досок и черными завитками дымных «усов», он рванулся в стороны и вверх, сметая в ледяную купель раскоряченные фигурки людей. А по ушам оставшихся на «Буром медведе» ударил оглушительный хлопок. Так мог бы звучать бубен лапландского шамана, если бы вырос от берегов Суоми до Померании. Словно пламя дракона из оживших сказаний!

Сильная волна качнула когг так, что у многих клацнули зубы.

– Колдовство... – охнул Торгейр.

Дымящиеся обломки ладьи неспешно скрывались под волнами, когда таким же пламенем окутались еще три судна.

– Проклятые чародеи!

От грохота – а точнее, от ужаса, который он пробудил в сердце закаленного и до сей поры невозмутимого морехода, – Плешивому захотелось упасть на колени и молиться. Но он сдержался – ведь кто-то должен командовать спасением уцелевших товарищей? Четыре лодки из шести потонули, и отчаянно барахтающиеся датчане цеплялись за скользкие борта.

Капитана била крупная дрожь. Слишком высокая плата за жадность. Хотя, конечно, его моряки знали, на что шли: без труда не дается не только богатство, но и самый обычный достаток. И все равно ему очень хотелось добраться до горла брата Генриха фон Бауштайда. Только бы ливонец выжил.

Он выжил. Только наглотался сверх меры соленой воды.

Но когда датчане подняли на борт «Бурого медведя» пострадавших от адского пламени людей и рассказали Плешивому, что рыцарь, уже теряя сознание, держался за планширь лодки, а пальцы его левой руки мертвой хваткой вцепились в ворот Свена Кривого, обожженного и вряд ли способного выплыть самостоятельно, Торгейр понял – убивать он никого не будет. По крайней мере сегодня. Вначале нужно расспросить очевидцев и сделать выводы. А там – как получится.

Глава первая

Хмурень¹⁴ 6815 года от Сотворения мира Неподалеку от Витебска, Полоцкая земля, Русь

Мороз игриво пощипывал мочки ушей. Ослепительными искрами переливался нетронутый снег на обочине. Лошади неторопливо шагали, изредка встряхивая головами. Из их ноздрей вырывались клубы пара, хотя, на взгляд Никиты, холодно не было.

Ученик Горазда уже полностью освоился в седле, а ведь поначалу езда верхом казалась ему мукой мученической. Главным образом из-за необходимости ухаживать за конем – седлать, чистить, стреноживать на ночь, выдумывать, где бы добыть корма среди зимы. Да в лесу и летом не просто прокормить шестерых коней. Шишки еловые они жрать не будут, кору с деревьев драть на манер лосей – тоже. До сих пор выручал старый Мал, холоп загадочной Василисы, благодаря причуде которой друзьям удалось выбраться из смоленского поруба¹⁵. Вечно недовольно бурчащий дед, краснолицый, стриженный «под горшок», захватил с собой полных два торока ячменя. Надолго их не хватило, понятное дело, но старик не растерялся. Казалось, он знал не только все деревни, примостившиеся вдоль дороги на Витебск, но и каждого смерда, а те, в свою очередь, знали его и всегда с радостью помогали. Следует признать, расплачивался Мал щедро – здесь, близи Великого княжества Литовского, наряду с кунами и векшами¹⁶, всюду ходили монеты западного образца: турецкие и пражские гроши, денарии и брактеаты¹⁷. Никита мельком увидел мешочек с деньгами, который старик прятал за пазухой, и еще больше уверился в том, что Василиса не простая девчонка. По меньшей мере, боярская дочка. Пару раз он пытался ее разговорить, чтобы подтвердить или опровергнуть свои догадки, но безуспешно – хитростью смолянка могла бы поспорить с Лисой Патрикеевной. Напротив, парень понял, что сам пару раз сболтнул лишку. О том, что видел Ивана Даниловича, говорил с ним и выполняет поручение князя московского.

И Василиса не преминула вцепиться в его оговорку:

– А как так вышло, что князь мальчишке, у которого едва-едва усы пробиваться начали, важное дело поручил? – задорно воскликнула девчонка.

Никита открыл было рот для отповеди, но, вспомнив, что поручение у него тайное, тут же захлопнул. Да так, что зубы отозвались болью.

Девушка посмотрела на него округлившимися глазами, и, быть может, все обошлось бы, но тут вмешался Улан-мэрген. Влез с присущей ему горячностью и с обычной для всего его племени бесцеремонностью.

– У иного вся голова седая, а за саблю не знает с какого конца взяться! – провозгласил ордынец. – А Никита-баатур с голыми руками любого бойца завалит!

– Уж прямо-таки и любого?! – хитро прищурилась Василиса, а Мал лишь покосился подозрительно, окидывая цепким взглядом шупловатое тело Никиты.

---

¹⁴ Старорусские названия месяцев: январь – студень, февраль – снежень, март – зимобор, апрель – березозол, май – травень, июнь – кресень, июль – червень, август – серпень, сентябрь – вересень, октябрь – желтень, ноябрь – грудень, декабрь – хмурень.

¹⁵ Поруб – темница, тюрьма, погреб.

¹⁶ Денежные единицы в период безмонетного торгового обращения на Руси. Куньи и беличьи шкурки. 1 гривна равнялась 50 кунам или 100 векшам.

¹⁷ Брактеат – плоская тонкая серебряная монета с чеканкой на одной стороне, имевшая хождение в Европе в XII–XV веках.

– Ты бы видела! – в восхищении поцокал языком татарчонок.

– Да перестань... – засмутился Никита.

Только его никто не слушал.

– Нет, пускай рассказывает, что за воин великий с нами едет! – Девушка повернула раз-
румнявившееся на морозе лицо. – А мы слушаем.

– Никита-баатур двух моих нукуров¹⁸ убил! Они с саблями были, а у него только два
кинжала...

– Это что за кинжалы? Те, про которые ты в порубе вспоминал? – спросила Василиса. –
Вилы, что ли, короткие?

Парень удрученно кивнул. Конечно, нужно быть полным олухом в воинском искусстве,
чтобы назвать течи¹⁹ вилами, но, видно, ей так понятнее. А может, просто издевается над ним?
Дразнится? Никита пять лет прожил в лесной избушке, в учениках у отшельника Горазда, а
потому имел самое смутное представление, как общаться с девчонками, о чем разговаривать,
какой каверзы от них ожидать можно. Об этом учитель не говорил. Зато много рассказывал о
воинах из чужедальней страны – за рекой Итилем²⁰, за степями и холмами, за морем Абескун-
ским²¹, за горами и лесом. Земля та носит название короткое и звонкое, как щелчок тетивы,
как вскрик лесной пичуги, – Чинь.

Давным-давно, вот уже сто лет тому назад, ее завоевали орды монгольского хана Темуд-
жина, еще до того, как полчища узкоглазых всадников на косматых большеголовых лоша-
дях хлынули на Русь. Живут там люди желтолицые – весьма похожие на татар, как на взгляд
Никиты. Живут чинно: сеют на залитых водой полях белые продолговатые зерна – рис, строят
города из камня и дерева, добывают руду и отличаются изрядной мастеровитостью. А еще там
есть монахи, которые молятся кроткому богу – Будде, но сами кротостью не обременены сверх
меры. Живут они в горных монастырях, куда не так-то просто добраться постороннему чело-
веку, и занимаются тем, что совершенствуются в боевых искусствах. Кроме боя голой рукой, в
котором большинство монахов преуспели изрядно, развивали они умение в драке на палках –
коротких и длинных, навроде странницкого посоха; в сражении на мечях – кривых и прямых,
коротких и длинных; в поединках на копьях и палицах, секирах и кинжалах. Вообще-то все
что угодно в руках умелого бойца могло стать оружием: чашка для риса, лавка, веер. К счастью
для завоевателей, таких монастырей было мало. А люди благородного сословия земли Чинь-
ской сражались отменно, но все же уступали монахам. Во всяком случае, лучшие монгольские
баатуры, которых звали тургаутами, составлявшие особые сотни для охраны военачальников,
бились с ними на равных. Вот так и завоевали дикие кочевники землепашцев и мастеровых.

Но народ чиньский, казалось бы забитый и затюканный, не решающийся не то что слово
молвить против завоевателя, а даже взгляд от земли поднять, на самом деле не смирился с
поражением. Время от времени появлялись отчаянные люди, собиравшие вокруг себя таких же
сорвиголов, и поднимали бунты – резали баскаков, или как там в их краях называли сборщиков
дани? Что ж тут удивительного? Не всякому нравится спину сгибать. Не каждый, получив
затрещину, вторую щеку подставит. Кто-то и в ухо со всего маху может ответить. На Руси в
последние годы тоже народ начал возмущаться, восставать против набегов и грабежей. Хотя
князья по-прежнему в Орду за ярлыками на княжение ездят, но люди то здесь, то там били и
бьют татарских находников. В Ростове и Твери, в Угличе и Ярославле. Правда, подавлялись эти
восстания жестоко и решительно, как и все, что делают монгольские ханы. Дудень с войском
едва ли не больше разорения принес на землю Русскую, чем Батый в свое время.

¹⁸ Нукур – дружинник.

¹⁹ Теча – короткое клинковое оружие, используемое в Китае. Его наиболее известный нам «родственник» – окинавский сай. Теча употребляется в шаолиньском направлении ушу, в стиле «мейхуа».

²⁰ Итиль – Волга.

²¹ Абескунское море – одно из названий Каспийского моря.

Вот так и во времена Александра Ярославича Невского случилось. Побратим великого князя, хан Сартак, попросил помощи. И русский князь не смог отказать. Горазд, тогда еще молодой дружинник, сражался в войске нойона Уриангада, сына знаменитого военачальника – Субудая-багатура. При штурме одного из городов русич был ранен и уже прощался с жизнью, но его подобрала чиньские монахи. Выходили и оставили жить у себя в монастыре. Там молодой воин освоил многие ухватки из монашеских единоборств. Нельзя сказать, что на Руси или, скажем, в западных державах бойцы были совсем неумелые – с седых времен передавались из поколения в поколение навыки и рукопашного боя, и сражения всяческим оружием. Славилась отличными рубками и викинги, и славянские дружинники, и поляки, и франкские рыцари. Только времена, когда богатырь сражался с богатырем, а вождь с вождем, давно миновали. Сила теперь не в мастерстве одного бойца, а в слаженности дружины, в умении держать строй и ударять как единое целое. В земле Чинь, да и в окрестных краях, упирался на другой подход – на силу духа, умение владеть собой, а оружие рассматривали лишь как продолжение руки воина. Самая лучшая победа, говорили чиньские мудрецы, та, которая одержана до начала боя. Хотя это не означало, что они не умеют сражаться. И Горазд это вскоре понял.

Двадцать лет русский дружинник жил в монастыре, постигая не только умение драться разным оружием, но и дух восточных мудрецов. О них он потом пересказывал Никите не одну легенду. Кто-то из монахов, достигая духовного совершенства, делался неуязвимым для стали, другой мог сутками обходиться без воды и пищи, третий взлетал над землей, используя лишь усилие воли. Признаться честно, в последнее паренё не слишком-то верил. Человек – не птица. С чего бы ему летать? А вот как ловят голыми ладонями сабли и ломают их легким движением, наблюдал воочию. У Горазда получалось...

Но, как бы хорошо ни жилось русскому на чужбине, а родина всегда манит. Березками, ручьями, заливыми лугами и заснеженными лесами. Никакие заморские земли, изобильные и богатые, никакие реки парного молока и караван, растущие прямо на ветвях, не заменят Отчизны – пускай израненной, голодной, залитой кровью и слезами, прокопченной дымом пепелищ. Поэтому Горазд поблагодарил учителей, собрался и ушел прочь. Взял он с собой, кроме почерпнутой мудрости, только прямой узкий меч, который чиньцы называют смешным, на взгляд Никиты, именем – «цзянь», да два кинжала, больше похожих на трезубцы: перекладины крестовины длинные, загнутые кверху, словно усы, да вдобавок еще и заточенные. Это уж потом, блуждая в лесах за Иртышом, он вырезал себе посох и соорудил охотничий лук, чтобы не умереть с голода...

– Вовсе они не вины... – слегка обиделся Никита, услышав обидное такое прозвище любимого оружия. – Хотя в Чиньской земле и вилами сражаются, и лопатами, и даже граблями. Мне учитель рассказывал.

– Граблями?! – звонко рассмеялась Василиса. – Это как?

– Граблями и у нас смерды дерутся, случается, – весомо заметил Мал. Как оказалось, старик не только смотрит по сторонам, но и внимательно прислушивается к разговору. – И вилами. И лопатами, случается. Как браги напьются...

– Видел и я, как смерды вилами дерутся, – закаменев лицом, ответил Никита. – Мой стрый²² двух нукуров вилами завалил, когда наши выселки грабили. А после браги как-то не приходилось замечать.

– Смерд и есть, – пожал плечами Мал. – Не проще ли отдать было то, чего хотели?

У парня невольно сжались кулаки, и правая рука поползла по поясу в поисках рукоятки меча. Но он вовремя вспомнил, что девушка, хоть и посулила дать им с Уланом оружие, не торопилась выполнять обещания. Зато сама ехала при сабле. Да и старик вооружился, что называется, «до зубов». Кроме меча, широкого «чухонского» ножа на поясе, еще одного – заса-

²² Стрый – в Древней Руси брат отца.

пожного, короткого лука в сагайдаке с полным колчаном стрел, он тянул на себе еще кистень, засунутый сзади за перевязь, и топор, привязанный к задней луке.

– Это тебе, холопу, легко хозяйским добром распоряжаться! – срезал он обидчика метким словом. – А попробовал бы своим горбом нажить!

Язвительное замечание зацепило дедка гораздо сильнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Он рванул повод, разворачивая саврасого коня. Выкрикнул, побагровев лицом:

– Ты кого холопом обозвал?!

– Тебя, а что? – скривился Никита.

– Ты – недоносок! Заморыш московский! – Глаза Мала налились кровью, выпучились. – Я тебя, крысеныш, сейчас по-свойски проучу...

Он схватился за плетъ, одновременно ударяя пятками в конские бока.

– Стой! – взвизгнула Василиса, бросаясь наперерез.

– Назад! – крикнул Никита, заметив, что татарчонок направил своего коня напрямиком в бок саврасому.

Они успели одновременно: парень схватил друга за шиворот, едва не выдернув из седла, а девушка поймала запястье Мала.

– Пусти, я этого щенка таки высеку! Давно хотел! – рычал старик, но вырывался не слишком старательно. – Давно проучить его надобно...

Улан-мэрген выровнялся в седле, виновато потупился, но ответил дерзко:

– Не к лицу баатуру терпеть обиды и спускать оскорбления!

– Отъедь в сторонку! – прикрикнул на него Никита. – Я за себя сам постоять могу!

Татарин дернул плечом, но ослушаться не посмел.

– Сосунок... И один, и второй – сосунки! – брызгал слюной Мал. – Как посмели на меня... Да я втрое старше! У меня ран только на службе князевой...

– Остынь, кому говорю! – прикрикнула девушка. И повернулась через плечо к Никите. – Ты, москвич, старого дружинника обидел! Рабом назвал!

– А кто ему право дал моих родичей позорить? Его там не было, когда ордынцы нас резали. Его там не было. Никто из княжеских дружин не прискакал на подмогу. Только Горазд пришел...

Старик глубоко вздохнул, расслабил занесенную руку.

– Езжай, остынь, – напутствовала его Василиса, а после неторопливо и веско сказала Никите: – Твои высылки какой князь защищать должен? Юрий Данилович?

– Нет. Михаил... свет Ярославич, – не сдержал ехидства парень.

– Так что ты смоленскому дружиннику в вину ставишь, что порезали вас ордынцы?

– Не я первый начал...

– А еще холопом обозвал!

– А откуда мне знать было, что он из дружины?

– А спросить?

– Так он нос воротит! Не поймешь, что ему не нравится...

Девушка вздохнула.

– Это он из-за меня. Головой он за меня отвечает, а я, видишь, какая непослушная.

– Да уж...

– Когда я с вами удирать из Смоленска задумала, слово с него взяла, что пять дней батюшке ничего не скажет, а потом – как хочет. А он уперся, что никуда меня одну не отпустит. Уговаривал долго, чтобы выбросила дурь из головы. Да меня разве уговоришь?

– К воеводе Илье в разъезд ты тоже так напрашивалась, а он ничего сказать не мог?

– Тоже, – она усмехнулась лукаво. – Ну, не совсем так, а все-таки...

По легкому румянцу, вызванному, по всей видимости, не морозом, Никита догадался, что к Илье Приснославичу взбалмошная девчонка применяла другие подходы, нежели к ста-

рому дружиннику. А суровый воин размяк и за улыбку готов был многое простить ей. Вот любопытно узнать, кто же ее отец? Почему разрешал верхом скакать, саблей и самострелом баловаться? Ведь девице, боярской дочери, пристало сидеть в тереме у окошка, вышивать да скучать, ожидая жениха. Ну, иногда погулять по саду в сопровождении подружек и дворовых девок, поводить хороводы, покататься на качелях. Но скакать бок о бок с вояками?! Когда-то давно, люди говорят, на Руси встречались девицы, сражавшиеся наравне с мужчинами. Звали их поляницами. Так то когда было? Во времена Святослава Игоревича, а то и раньше, когда на восточных рубежах земли Русской вставали заслоном против печенегов былинные богатыри. Это уж после людская молва приписала их подвиги ко времени княжения Владимира Красно Солнышко. Ну да ладно... То дела давно минувших дней. А откуда поляница самая настоящая взялась в Смоленском княжестве? Кто такую воспитал?

Никита так простодушно и ляпнул, глядя прямо в лицо Василисы:

– А кто твой батюшка? Ты ни словечком не обмолвилась за всю дорогу.

– А тебе какое дело? – выгнула бровь бойкая девчонка, хотя тень озабоченности и скользнула по ее челу. – Кем бы ни был, тебе ли не все равно?

– Да я так... Любопытства ради, – растерялся парень, не ожидавший такого отпора.

– А любопытной Варваре на базаре нос оторвали! Не говорю, значит, нельзя говорить! И нечего не в свои дела лезть! Все вы москвичи одинаковые!

– Я не москвич... – попытался робко сопротивляться Никита.

– Ну не москвич, а тверич! Велика ли разница? Ишь ты! Батюшка мой ему понадобился!

«Во разгорелась, – подумал ученик Горазда. – Будто сухая солома. Такую попробуй затронь ненароком, потом всю душу прогрызет...»

Он пожал плечами и попытался отъехать в сторону, чтобы не мозолить раздражившейся девчонке глаза, но Василиса не унималась.

– Это ж надо! – воскликнула она, потрясая в воздухе кулачком. – Ему мой батюшка нужен! Сватов, что ли, засылать надумал?

Никита вспыхнул: «Еще чего не хватало!»

– Глупости говоришь, – промямлил он. – Вот уж точно – волос долгий, ум короткий.

– А ты не подумал, что сидел бы без моего короткого ума в порубе у Александра Глебовича? Или нет! Тебя давно бы уже тверичам с воеводой Семеном выдали. Легче тебе было бы, чем со мной по дороге ехать да выспрашивать меня, тайны выпытывать?

– Да не выпытывал я... – устало отнекивался парень.

– Не выпытывал он! Ну ладно, не выпытывал, – вдруг согласилась девушка, а у Никиты вырвался вздох облегчения. – А если не выпытывал, то зачем про батюшку моего спрашивал?

«Снова-здорово!»

Никите захотелось перекреститься и попросить Бога избавить его от таких спутников, да негоже Господа по пустякам беспокоить...

– Да просто узнать хотел, в кого такая удалая пошла? – Он через силу улыбнулся. – Согласись, нелегко на Руси встретить девицу, которая больше на воина походит, чем на лебедь белую.

– Это я, значит, уже на лебедь не похожу? – Василиса уперлась кулаком в бок, и парень едва не взвыл, ожидая новых упреков и обидных слов. – А на кого я похожу?

«На курицу мокрую...» – подумал парень, но вслух сказал, чтобы положить конец разговору, грозящему завести неизвестно куда:

– На соколицу.

Василиса просияла. Даже немного смутилась.

– Ну, ты уж скажешь...

– А что? – воспользовался удачным началом парень и решил развить наступление. – В седле сидишь не хуже ордынца. Из лука и самострела наверняка стреляешь. Не просто так

же их приторочила? И саблю знаешь, как в руке держать. Иначе тебя Илья Приснославич в опасный поход не взял бы.

– Да мы и не думали, что в том разезде опасность какую встретим, – рассеянно отвечала девушка. Видно, мысленно продолжала сравнивать себя с соколицей. И ей это очень нравилось. – Это уж потом, когда в деревню, дочиста вырезанную, попали, Илья велел брони вздеть и оружие под рукой держать. А до того не езда была, а отдых...

Никита довольный, что разговор ушел в другое русло, спросил:

– А купец Гладила, что с нами путешествовал, никак бывший дружинник смоленский?

– С чего ты взял? – прищурилась Василиса.

– Он мне много о вашем князе рассказывал. Как он воевал с Черным, Федором Ростиславичем, как Дорогобуж с Вязьмой умирал потом... Если своими глазами не видел, так не расскажешь. И потом, когда на дороге дрались, он один из купцов с мечом управлялся, как надобно. Получше Добрыня с охранниками. Если бы все в нашем обозе так умели бы, то отбились бы мы почти без потерь, – немножко слукавил парень, поскольку звериная ярость напавших на обоз и их пренебрежение к смерти делали оборванцев страшными противниками. Достоверно судить об исходе боя не взялся бы никто.

Девушка кивнула:

– Да, Гладила когда-то в дружине князя Александра службу нес. Потом ушел. Торговать стал.

– А в сапогах он грамотки закладные да расписочки возил? – с невинным видом поинтересовался парень.

– Что? Какие расписочки?

– А что вы в его сапогах искали?

Василиса осеклась, отвела взгляд, засопела носом.

– Да не рассказывай, если не хочешь! – усмехнулся Никита. – Разве я не понимаю? Московское княжество силу набирает. Вот Александр Глебович и отправляет верных людей под видом купцов посмотреть, что да как? В особенности после Можайска.

– После Можайска... Это точно, – девица сокрушенно кивнула, уже не пытаясь спорить и притворяться. – Дядь... Я хотела сказать, князь Святослав проворонил удел... Теперь добра не будет. Помяни мое слово, Даниловичи не удержат Можайск. И тогда Михаил Тверской налетит, как...

– А соглядатаев надо в Москву засылать, да?

– А кто тебе сказал, что в Тверь никого не засылали?

– И к Витеню в Новогрудок? Или в Вильно? Где там великий князь Литвы стол держит?

– Да! А что? – Василиса с вызовом вздернула подбородок. – И к Локотку тоже. И в земли тевтонов... Александр Глебович борется, чтобы шею ни перед кем не сгибать. Понятно тебе?

Никита хотел спросить: «А откуда ты все знаешь? И что князь хочет, и что лазутчиков под видом купцов засылает по всем окрестным землям? Неужто Илья Приснославич разболтал?» Но он смолчал. Не хватало еще вновь поссориться. Захочет, сама расскажет. Или проболтается. Да... Что она там сказала про князя можайского?

– Тише! – Мал развернул коня поперек дороги и поднял руку.

– Что? – Василиса стукнула коня пятками и, оставив Никиту позади, поравнялась со стариком. – Что случилось?

– Шум на дороге какой-то.

– Ну и что? Обоз, видать, нагоняем. Купеческий.

– С чего бы обозникам кричать?

Подъехавший поближе Улан-мэрген прислушался.

– Нехорошо, – покачал он головой. – Не нравится мне, однако.

Никита слышал какой-то гам. Будто на торжище. То ли хохот, то ли еще что... Непонятно, в самом деле. После происшествия на Смоленском тракте он готов был ожидать чего угодно.

– Посмотреть бы надо... – сказал парень.

– В лес уйти бы... – ответил ему Мал, забывая о недавней размолвке. – Да тут не пробьешься. Кони ноги поломают.

– А вдруг помощь нужна? – посмотрела на них Василиса.

Старик подумал, покачал головой, а потом резко кивнул:

– Ждите меня тут.

Он спрыгнул с коня. Вытащил лук из сагайдака, взял полдюжины стрел.

– Пойду погляжу.

Сойдя с дороги на обочину, Мал сразу провалился по колено и медленно зашагал к мохнатым, выбеленным недавним снегопадом елям.

Глава вторая

Хмурень 6815 года от Сотворения мира Неподалеку от Витебска, Полоцкая земля, Русь

Никита внимательно следил, как сомкнулись еловые лапы за спиной Мала. Следовало отдать должное старому дружиннику – двигался он легко и неслышно, ветвей не потревожил, проскользнув, словно угорь сквозь перестав²³. Если бы не цепочка следов, протянувшаяся по нетронутому снегу, то и не скажешь, что кто-то здесь когда-то ходил.

– Похоже, грабят кого-то... – поежилась Василиса.

– А ты никак испугалась? – с нескрываемым презрением бросил Улан-мэрген, остановивший коня по правую руку от Никиты.

– Молчи, косоглазый! – звенящим шепотом произнесла девушка. – Мне хотя бы десяток дружинников...

– Ха! С десятком дружинников любой сможет!

– Перестань! – одернул товарища Никита.

– А что мне переставать? – не сдавался ордынец. – Если там вправду разбойники, дайте мне лук и поглядим – что они способны сделать против настоящего воина.

– Тебе никто не говорил, что хвастаться некрасиво, недостойно настоящего баатура? – устало поинтересовался парень.

– Почему некрасиво? – выпучил глаза татарин. Они на краткий миг перестали быть похожими на щелочки. – Если баатур себя не похвалит, кто его тогда похвалит?

Василиса и Никита, не сговариваясь, одновременно прыснули, едва не захохотали в голос. Сдержались только потому, что в самом деле неизвестно, что там впереди на дороге.

– У нас говорят: скромность человека украшает, – назидательно произнес парень. – Нужно дождаться, пока люди тебя за поступки похвалят.

– Цх! Странные у вас обычаи! – пожал плечами ордынец. – А если не похвалят?

– Значит, недостойн.

– А если точно знаешь, что подвиг совершил? А не хвалят...

– Значит, маленький подвиг. Недостаточно...

– Вы можете помолчать? – зашипела Василиса. – Болтаете, как бабы на базаре!

– Обидные слова говоришь... – насутился Улан, но рот закрыл.

Прислушиваясь к далекому шуму, Никита поневоле задумался, вспомнив о словах покойного Горазда, который явился ему во сне на Смоленском тракте. Учитель советовал не смотреть на внешность людей, а стараться заглядывать в души. Тогда, мол, никто обмануть не сможет... Хорошо ему, постигшему учение чиньских мудрецов, советы давать! А если тебе шестнадцать лет, и две трети своей жизни ты прожил на высылках, в окружении одних лишь родичей, а одну – с отшельником в лесу. Что тогда делать? Как не ошибиться в человеке?

Ну ладно, Улан-мэрген, вроде бы как открытая ладонь: на хитрость не способен, говорит, что думает, а все мысли у него прямые, как полет стрелы. А Василиса? Какую игру она ведет? Чего от нее можно ожидать? Обещала дать оружие и не дает. О себе почти ничего не рассказывает. А если и считает возможным открыться в какой-то малости, то еще неизвестно – правду говорит или нет.

---

²³ Перестав – сеть, которую ставят поперек реки.

– Так ты, правда, учен любым оружием драться? – вдруг спросила девушка. Нашла время!

– Не правда, – довольно резко ответил Никита. – Посохом, мечом, течами... Мечом совсем плохо, – поспешил он добавить, чтобы не показаться совсем невежливым. Относиться к человеку нужно так, как хочешь, чтобы он к тебе относился. Эту истину еще никто не отменял. – Учитель говорил, что рано еще. Течами получше. Да что толку рассуждать? Они все равно у Ильи остались в Смоленске.

– А про «голыми руками» что ордынец говорил?

– Учил меня Горазд и голыми руками. Вернее, руками и ногами. Так это разве диво? На Руси испокон веков дружинников рукопашному бою учат.

– Верно, учат... – Василиса хитро улыбнулась. – А я думала, врать мне начнешь, что непобедимый баатур.

– Я врать не приучен, – смутившись, буркнул Никита.

– Ты гляди! Я привыкла, что все вокруг врут и выгадывают. А ты как белая ворона. Не боишься прогадать?

– Я по жизни не выгадываю.

– И за обозом франкским просто так поехал...

– Кто тебе такую глупость сказал?

– А что, за награду?

– Я... Я не про то. – Парень аж заикаться начал от возмущения.

– А про что?

– Кто тебе сказал, что я за каким-то там обозом еду?

– Сорока на хвосте принесла.

– Дурная у тебя сорока!

– Ну конечно, наши, смоленские сороки дурные. Все как есть. Это тверские или московские сороки – умные... Страсть!

Никита, чтобы не наговорить злых и обидных слов, с силой стиснул зубы. Вот, кажется, и отгадка, зачем она их из поруба вызволяла, зачем вместе ехать напросилась. Ничего удивительного не будет, если позади, в половине дня езды, следует Илья Приснославич с верными дружинниками. Следопытов у него в отряде хватает: тот же Твердила или братья Вершиничи – Мокроус и Куденя. Не отстанут, будут висеть, как репей на хвосте у собаки. И ждать.

– Эй, ты чего замолчал? – удивленно вскинула бровь Василиса.

Парень тряхнул головой, выказывая нежелание отвечать.

– За сорок, что ли, обиделся?

Он только отмахнулся, внимательно вглядываясь в ельник. Показалось, или ветви качнулись, стряхивая несколько снежинок? Может быть, белка балует... А может...

Из лесу неслышно вышел Мал. Приложил палец к губам, а после скорым шагом, ступая по своим следам, выбрался на дорогу.

– Что? – шепотом спросила Василиса.

– Грабят, – хмуро проговорил старик. – Купца потрошат.

– Ну я им! – Девушка схватилась за саблю.

– Стой! Ты куда! – Мал решительно заступил ей дорогу.

– Может, дружков своих подождете? – едко поинтересовался Никита.

– Ты чего? Каких дружков? Замерз, что ли?

Старый дружинник тоже поглядел на парня как на умалишенного.

– Дайте мне лук со стрелами! – задорно воскликнул Улан-мэрген.

– А пряник медовый тебе не дать? – даже не удостоил его взгляда Мал. Твердо сказал, обращаясь к Василисе: – Не вздумай в драку кинуться. Себя не жалеешь, так хоть мою седую голову пожалей. Случись с тобой что, я жить не буду.

– Так что ж нам, смотреть, как лихие люди проезжих обирают? – Девушка сжала губы так, что они побелели. – И не вмешиваться? Это все-таки еще смоленская земля!

– Витебский князь пускай ее и защищает! Его удел! – решительно ответил старик. – А если Ярославу Васильевичу не до своих подданных, то нам какое дело?

– А такое! Несправедливость в княжестве творить не позволю!

«Ишь ты какая! – подумал Никита, невольно поддаваясь порыву Василисы и в глубине души восхищаясь ее словами, пускай произнесенными в запале. – За державу радеешь. Может, когда не только девчонки, но и князья не о выгоде, а о благе державном думать начнут, на Руси порядок и благодать установятся?»

– И как мы этому воспрепятствуем? – набычился Мал. – Двое व्यюношей, девица и...

– Бывший дружинник, – хитро улыбнувшись, подсказала Василиса.

– Дружинников бывших не бывает! – отрезал старик.

Оскорбленно вздернул подбородок, расправил плечи и сверкнул... Нет, не глазами, а именно очами. Прямо как в старину: «под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены...»²⁴ Принялся одергивать перевязь с мечом, расправлять зипун.

– Дай лук Улану. Он прикроет, – сказал Никита, толкая пятками коня.

Василиса и Мал провожали его недоуменными взглядами.

– Эй, парень, ты куда собрался?! – спохватился старик, когда ученик Горазда отъехал уже на порядочное расстояние – арканом не добросишь.

– Стой! – воскликнула девушка. – Ты куда с голыми руками?

Никита неторопливо обернулся, едва сдерживаясь, чтобы не показать язык.

– Княжество здесь не мое. И не дружинник я. Но смотреть, как русских людей режут и обирают, я не могу. Заставлять вас в драку ввязываться я тоже не могу. Поеду посмотрю, может, помогу чем-то людям...

Мал засуетился, отвел глаза, потом схватился за ножны с мечом:

– Ты хоть оружие-то возьми!

– Я уже устал вас просить дать мне меч.

С этими словами парень вновь стукнул коня пятками. Серый черногривый жеребец легонько взбрыкнул и перешел на тряскую рысцу.

– Ай, баатур! Ай, молодец! – долетел восторженный голос Улан-мэргена, сменившийся требовательным: – Лук давай, старый байгуш²⁵!

И ворчливое Мала:

– Молодой еще... Сам справлюсь...

– Я – мэрген. Я лису в глаз бью!

– А я – дружинник князя смоленского!

Дальнейшую перепалку Никита уже не слушал. Он высвободил ноги из стремян, пошевелил стопами, разминая их. Повел плечами, будто сбрасывал расстегнутый плащ.

Горазд очень любил повторять выражения одного чиньского мудреца: «Достойный муж предъявляет требования к себе, низкий человек – к другим» и «Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту»²⁶. Пускай они там выясняют, кто из князей должен защищать купцов на этой дороге: Александр Глебович или Ярослав Васильевич. А он тем временем пойдет и зажжет свечу. Маленькую, но свою.

Свернув за поворот – дорога здесь огибала оплывший, растекшийся холм, – Никита сразу увидел и купеческий обоз, и разбойников. Несколько саней, вокруг которых суетились люди

²⁴ «Слово о полку Игореве». Перевод Д. С. Лихачева.

²⁵ Байгуш – сова, сыч.

²⁶ Высказывания принадлежат Конфуцию.

в разношерстной одежке. У некоторых в руках поблескивало оружие. В стороне топтались выпряженные кони. Почуввав собратьев, черногривый заржал.

Парень и до того не собирался скрываться, теперь и вовсе понял, что обнаружен. Он приветливо помахал рукой и направился к последним саням. Конь сам по себе перешел с рыси на шаг, чему Никита, так и не вернувший ноги в стремя, только обрадовался – меньше трясет.

Он ехал напрямик к ватажникам, бросившим на время перебирать содержимое саней. На ходу показывал им раскрытые ладони и улыбался. Хотя, если честно признаться, поджилки тряслись. А ну как не станут дожидаться и разговоры разговаривать, а всадят стрелу из лука или самострела? Это только в сказках богатыри мечом или саблей на лету стрелы отбрасывают, в жизни оно тяжелее приходится. Тем паче что никакого оружия у Никиты и не было. Хочешь, голой ладонью отбивай, а хочешь, уворачивайся.

Попутно парень разглядывал лесных молодцев и обобранных ими купцов. Пересчитал сани – маловато что-то, всего пять. Из них одни – болок²⁷, украшенный затейливой резьбой. Видно, важную птицу везли – обычный купец не станет так роскошествовать. Кто же это такой?

Ага! Вот он где!

На снегу сидел немолодой мужчина. Смуглый, скуластый, нос крючком. Но на ордынца он похож не был, как не был похож и на южного гостя, виденного Никитой на московском торжище. Однако что-то неуловимо восточное в его внешности присутствовало. Даже покррой темного дорожного полукафтаны...

– Эй, добрый молодец! – Громкий, уверенный голос отвлек парня от созерцания ограбленного купца. – Ты кто такой будешь?

– Я-то? – Никита посмотрел на говорившего. Им оказался плечистый мужчина саженного роста. Всклоченная русая борода и нечесанные кудри. Богатая, с бобровой оторочкой, мурмолка лихо заломлена на затылок. Полушубок нараспашку, а под ним – бахтерец²⁸. Ну уж этот точно русский. – Я – человек мирный, проезжал тут... Глядь, добрые люди на дороге остановились. Я думал, чем помочь, может...

Сгрудившиеся вокруг здоровяка разбойники заржали так, что черногривый прижал уши и шархнулся в сторону. Парень успокоил его, похлопав по шее.

– Ну ты и смешной! – покачал головой шуплый мужичок с кривым, видно, сломанным когда-то носом. – Чем же ты нам помочь можешь?

– А я не вам хотел помочь... – Никита, пользуясь тем, что грабители веселятся, толкают друг дружку локтями и тычут в него грязными пальцами, продолжал осматривать дорогу и обочины.

Два тела без сапог, в распоясанных рубахах. Красно-бурые пятна на груди убедительно свидетельствуют – не отдохнуть они прилегли, умаявшись после тяжелого трудового дня. Еще кучка людей сидит на снегу. Около дюжины – точнее сказать трудно, поскольку многие сгорбились, наклонили головы и почти не видны за плечами и спинами товарищей по несчастью. Одежда разная – и русские армяки, и непривычного покроя кафтаны. Рядом с ними стояли, поигрывая кистенями, четверо лесных молодцев. Еще четверо возились с лошадьми, которые фыркали и косились, напуганные новым запахом и незнакомыми голосами.

А еще чуть в стороне...

Никита никогда не считал себя лошадником и с легкостью готов был признать, что тонкости конских статей для него – тайна за семью печатями. Но тут...

Не нужно быть знатоком, чтобы понять: танцующий на снегу, перебирающий тонкими ногами скакун – не просто упряжная скотина. И даже не верховой конь дружинника. Нет,

²⁷ Болок – зимняя повозка, крытые сани с будкой или кибитка.

²⁸ Бахтерец – доспех, заменявший латы или кольчугу; он набирался из продолговатых плоских полуколец и блях, которые нашивались на суконное полукафтаны.

на такого не взгромоздится ни воевода, ни удельный князь. Ну разве что великий князь или король одной из западных держав.

Спину коня укрывала вышитая алой нитью попона – тяжелые кисти свисали почти до бабок. Горделиво изогнутая шея отливала на солнце золотом. Коротко подстриженная грива казалась нежной, как волосы на голове младенца. Сухая длинная морда с белой проточиной. Красавец!

Уж на что хороши кони были у Емельяна Олексича и Любомира Ждановича, но этому в подметки не годились. Боевой жеребец рыцаря Жоффрея де Тиссэ по сравнению с ним казался грубым, будто поделка деревенского кузнеца рядом с работой мастера-оружейника.

Словно почувствовав на себе чужой взгляд, золотисто-рыжий аргамак взбрыкнул, а потом, прижав уши, попытался встать на дыбы. Двое разбойников, повиснув на недоуздке, с трудом удержали его.

– Что зенки вылупил?! – выкрикнул мужик со сломанным носом, перехватывая рогатину. – Не про твою честь!

– Что, понравился? – проговорил атаман. Он по-прежнему не выказывал злобы. Будто давнишнего приятеля повстречал. – Хорош?

– Чудо как хорош! – чистосердечно ответил Никита.

– Это – фарь²⁹.

– Продать хочешь?

– Что ты! Продать? Как можно! Таких красавцев только дарят. Или с бою берут. У кого кишка не тонка.

– А у тебя не тонка, значит.

– Вестимо, не тонка...

– Да что ты с ним байки травишь, Любославушка! – Крепкий седобородый разбойник, неумовимо напоминающий Мала, потянул здоровяка за рукав. – Явился тут, не запылится... Еще неизвестно, что за гусь!

– А ты боишься его, что ли, Некрас? – ухмыльнулся Любослав.

– Я?

– Ты. Раньше не замечал за тобой.

– Я никого не боюсь. Только и тебе об опаске забывать не следует.

– Да ладно! – отмахнулся главарь. – Мы свое дело сделали. Если бы вы меньше языками болтали, как собаки хвостом, а добро по выюкам собирали, так и восояси отправились бы.

Под его суровым взглядом разбойники сникли. Несколько человек потянулись к саням, возле которых грудями лежал вытряхнутый товар: отрезы богатой ткани, рысьи и бобровые шкуры, добротная одежда, кожаные мешки, должно быть, с мягкой рухлядью.

– А ты, малый, слезай с коня, – подмигнул Никите Любослав. – Посидим рядком, поговорим ладком. Кто ты да откуда? Отчего ты такой смелый, будто в монастырь на богомолье явился, а не на большой дороге ватагу повстречал?

– Я-то слезу, – в тон ему отвечал парень. – Только говорить мне с тобой не о чем. Я хоть в богатых портах и не хаживаю, зато и людей не обираю.

– Чего? – опешил атаман. – Ты что несешь, сопля?

– Да что слышал. – Никита перебросил ногу через переднюю луку, подбоченился. – Или ты не ведаешь, чем занимаешься? Или честным делом свое занятие считаешь?

– Ну ты даешь, малый! – Любослав посуровел. Радостная улыбка сбежала с его лица, как утренняя дымка под порывом ветра. – Шел бы ты куда подальше...

– Во-во! – поддержал его мужик с рогатиной. – Хоть пришел не зван, так уйдешь не дран!

---

²⁹ Фарь – кони персидской породы, завозившиеся на Русь через Европу.

– Вот-вот... – кивнул атаман. – Я-то думал, ты славы ищешь, пристать к ватаге нашей вознамерился. А ты...

– Да в чем же слава? – пожал плечами парень. – Людей на дороге обирать? Убивать по-подлому, из засады? Коней воровать?

Его слова, видно, зацепили жожака за живое. Больно зацепили, прямо подсохшую корочку с раны сорвали. Он скрипнул зубами, сжал кулаки, каждый из которых был только чуток меньше, чем голова Никиты.

– Проваливай, пока не допросился!

– А позволь, Любославушка, я его приголублю по-свойски, – вывернулся из толпы мужик с рогатиной. – Чтобы впредь неповадно было нас татями обзывать!

– А как же вас обзывать? – подлил масла в огонь Никита, ощущая внутреннее сосредоточение, столь необходимое для успешной схватки. Сколько раз Горазд учил его, как нужно достигать того состояния духа, когда шаги противников просчитываются наперед, когда время способно растягиваться, а силы и скорость удваиваются. Вот тогда-то и меч голой ладонью сломать можно, и, пожалуй, от стрелы увернуться.

Нельзя сказать, чтобы парень был нерадивым учеником, он честно старался выполнять все указания учителя, но достигать единства тела и духа ему не удавалось. Иногда ему казалось, что он близок: вот-вот и получится. Но всякий раз вмешивалась нелепая случайность. То сучок под пяткой некстати хрустнул, то кукушка отвлекла, то ветер выхолодил намокшую от пота рубаху и прижал ее к лопаткам, вызвав колючие «мурашки». И Никита допускал оплошность: оступался, «смазывал» движение, не доводил до цели или, наоборот, пропускал удар.

Позже, после смерти Горазда, парень почему-то забыл об упражнениях на силу духа. В тех стычках, в которых ему довелось поучаствовать, обходился без сосредоточения. Ни в шутовской драке с Емельяном Олексичем, ни в схватке с двумя нукурами возле мертвого учителя, ни в кровавой свалке на дороге, когда неизвестные оборванцы уничтожили обоз, ехавший из Москвы в Смоленск. Не ограбили, как здесь, а просто уничтожили, убивая людей и лошадей. Возможно, все дело в том, что все эти сражения возникали неожиданно – загодя не подготовишься. Раз, два! И засверкали клинки, полилась кровь...

Сейчас же Никита заблаговременно предвидел нешуточную потасовку и внутренне был готов к ней. Он отлично знал цену себе как бойцу и не тешил себя надеждой, что в одиночку одолеет целую ватагу разбойников – два десятка человек на глазок. Но это в том случае, если они будут сражаться насмерть. А зачем? Грабители никогда не бывают упорными, если приходится отстаивать нечестным образом добытое добро. Ведь жизнь – она одна и своя, родная, которую не купишь и не подберешь, наклонившись, на тропинке. А любое богатство, которое можно отнять у купцов или смердов, – дело наживное. Сегодня лихая удача привалила, завтра – нет, а послезавтра, глядишь, вдвое больше товаров отнял. Только поэтому парень и решился вступить в бой. В другом случае, если бы возникли хоть малейшие подозрения в упорстве ватажников, проще было бы расстаться с жизнью, расшибив голову о ближайшую сосну.

– Не помнишь, что князь Ярослав наказывал в Русской Правде с коневыми татями делать? Или с разбойниками? – подмигнул он Любославу, с радостью замечая, как с лица атамана сползает выражение довольства и замещается крайней досадой. – Не помнишь? Вот беда! Ну так я тебе напому...

– С огнем играешь, малый... – сквозь зубы процедил жожака разбойников.

– Играю, – кивнул Никита. – Слушай. – Он прочитал по памяти: – Кто же стал на разбой без свады³⁰, убил человека умышленно, по-разбойничьи, то люди за него не платят, но должны выдать его князю на поток... А коневого татя и поджигателя гумна выдать князю на поток...

– Уж не ты ли хочешь нас князю выдать?

---

³⁰ Без свады – без повода.

– Дай я ему врежу, Любослав! – выскочил вперед кривоносый.

– погоди! Отлежь, я сам...

Атаман решительно отодвинул не в меру горячего подпевалу:

– Ну, прыгай с коня, умник. Или забоялся?

Никита улыбнулся. По крайней мере скопом на него не бросятся. И это хорошо. Есть возможность продержаться подольше.

Он соскользнул с седла.

– Было бы кого бояться!

– Вот уж достанется кому-то... – Под одобрительные возгласы товарищей Любослав скинул полушубок. – Вот уж переломаю косточки кому-то...

Парень хлопнул коня по крупу, заставляя пройти вперед. Развязал пояс, стягивающий его кожушок. При виде кольчуги лица разбойников вытянулись.

– А ведь непростой малый! – покачал головой Любослав.

– Может, взаправду, на княжьей службе? – подал голос рассудительный разбойник Некрас, который и раньше предостерегал атамана.

– Да хоть на чьей! – отмахнулся атаман. И решительно скомандовал: – А ну, раздались, молодцы мои! В круг! Я сейчас этого выскочку уму-разуму учить буду!

Послушные его словам ватажники широко раздались. Краем глаза Никита успел заметить, что охранявшие захваченных купцов разбойники привставали на цыпочки, стараясь во всех подробностях разглядеть предстоящую забаву.

– На кулаках? – прищурился Любослав.

– Да мне как-то все равно, – пожал плечами ученик Горазда. – Хоть руками, хоть ногами.

– Да? Ну не обижайся после.

– Если я тебя побью, твои люди уберутся прочь?

– Что? – захохотал вожак. – Что ты сказал?

– Повторить, что ли? – Никита снял кожушок. Бережно сложил его и уложил на снег.

– Да повторять не надо – чай, не глухой я... – Любослав задумчиво провел пальцем по бляхам бахтерца. – Ты взаправду веришь, что можешь меня побить?

Он возвышался над Никитой, как дуб над терновым кустом. Выше на две головы, шире в плечах вдвое. У кого могли возникнуть сомнения в его победе? Уж во всяком случае не у его ватажников.

– Кольчугу снимать? – вместо ответа поинтересовался парень.

– Она тебе мешает? – хитро прищурился атаман.

– Нет.

– Ну и ладно. Делать мне больше нечего – туда-сюда, раздеваться-одеваться. Верно, братцы?

«Братцы» с готовностью заржали.

– Начнем, благословясь! – Любослав перекрестился и пошел вперед мягким, вкрадчивым шагом опытного бойца.

Глава третья

Хмурень 6815 года от Сотворения мира Неподалеку от Витебска, Полоцкая земля, Русь

Гогот и выкрики разбойников вдруг стихли. Мир сузился до размера круга, окаймленного разношерстной толпой.

Никита раскинул руки в стороны, поднял согнутую в колене ногу и медленно выпрямил ее, направляя пятку в небо.

У Любослава округлились глаза – видно, атаман никогда не сталкивался с ухватками чиньской борьбы. Но он если и удивился, то не растерялся. Ударил с левой. Раскрытой ладонью. Так, оплеуха зарвавшегося выюноше, чтобы не убить, но на место поставить, показать, кто чего стоит.

Парень за миг до соприкосновения широкой ладони со своим ухом качнулся и упал, становясь на широкую «разножку». Со стороны могло показаться, что его ветром сдуло. Любослав качнулся, но не дал размаху увлечь себя. Выровнялся и отскочил, избегнув подсечки. Снова пошел вперед, вихляясь, то и дело перенося вес с одной ноги на другую.

«Драться не дурак, – отстраненно подумал Никита. – С таким совладать непросто будет. Ну да ты знал, на что шел. Теперь давай, выкручивайся...»

Решив сперва прощупать противника, он не стал атаковать, а пошел приставным шагом по кругу, уворачиваясь от хлестких, частых ударов.

Любослав показывал себя с самой лучшей стороны. Бил с обеих рук одинаково сильно и умело. Передвигался легко и свободно, будто большой, сытый, излучающий уверенность и силу кот. Наверное, до сих пор он чувствовал себя непобедимым. Кто в ватаге мог сравняться с атаманом? Никто. А если он еще и с оружием так же умело обращается, то место его не среди разбойников, а в княжеской дружине – своим присутствием такой боец украсит войско любого князя и очень скоро выбьется в воеводы. Или он – опальный? Был дружинником, а после поссорился с князем или с кем-то из бояр. Разве этого не может быть? Часто и густо. Тот же Акинф Гаврилович, ближний боярин Михайлы Ярославича, обиделся некогда на князя Данилу Московского...

Кулак со свистом пролетел в вершке от головы Никиты.

Видимо, от досады, что не может достать верткого мальчишку, Любослав допустил ошибку, открыв бок.

Парень ударил пяткой.

Атаман только охнул. После зарычал, как медведь, но не полез нахрапом, как можно было бы ожидать, а, напротив, отступил, закрываясь в «глухой» защите.

Никита взвился в высоком прыжке, целясь ребром ступни в висок противника.

Любослав слегка отклонился и попытался сграбастать его за лодыжку.

Куницей выворачиваясь в полете, парень не совсем удачно приземлился и, чтобы избежать следующего удара, перекатился длинным кувырком. Вскочил на ноги, встретил тяжелую накидуху³¹ согнутым предплечьем – аж кости заныли, будто бы ослопом³² приложили, – и ударил основанием ладони в подбородок Любослава.

---

³¹ Накидуха – в славяно-горицкой борьбе удар согнутой рукой вперед-сверху.

³² Ослоп – русская грубая деревянная палица (дубина) большого размера и веса с утолщённым концом.

Голова жоака дернулась. Если бы не бычья шея, позвонки переломились бы. Но разбойничий атаман уцелел. Просто отступил на несколько шагов, ошарашенно мотая головой.

Никита, развивая успех, бросился за ним, проводя один за другим удары в колено, в лоб, в живот...

Острой болью отозвались костяшки кулака, разодранные о пластину бахтерца.

Любослав вновь устоял на ногах и ответил хлестким оплёт³³, в первый раз за время драки ударив ногой. Парень успел прикрыть ребра локтем, но отлетел в сторону, как пушинка. Переводя дыхание, застыл в низкой стойке на согнутых ногах.

– Ух, не прост ты, малый. Не прост... – Жоак потряс головой, как пес, которому в ухо попала вода.

Никита, улыбнувшись, согнул пальцы в положение, называемое Гораздом «когти тигра». Что это за зверь, он мог только представлять – огромный кот, величиной с коня, рыжий, полосатый, смертельно опасный. Нападает быстро, бьет сильно, ломая добыче хребет.

Атаман озадаченно качнул головой. Самую малость, чтобы не ударить лицом в грязь перед ватагой. Он и так уже, можно сказать, опростоволосился. Вызвал на бой незнакомого, но щуплого и непохожего на знаменитого бойца мальчишку, рассчитывая на легкую и сокрушительную победу. А тут – на тебе!

– Ну, держись! – Любослав сплюнул на снег и, раскачиваясь, как поднявшийся на задние лапы медведь, зашагал на Никиту.

«Тигр против медведя... – отстраненно подумал парень. – Сила и уверенность против силы и быстроты».

Он бросился вперед, поднырнул под летящий в лицо кулак, закрывшись локтем, пустил вскользь второй, ударил ребром стопы атамана под колено. Любослав не растерялся – убирая ногу, сразу повел ее для удара «быком»³⁴. Но Никита использовал то единственное преимущество, которое у него имелось, – скорость.

Заканчивая движение ударной ступней, ученик Горазда оттолкнулся ею от земли, помогая телу взвиться в прыжке широким взмахом левой ноги и рук. Столб, на котором Никита отрабатывал ежедневно равновесие, был на пол-аршина выше атамана, а потому дальнейшее не представляло никаких трудов. Любослав почувал опасность, но поднять руки не успел. Пятка Никиты врезалась ему точно в лоб.

Приземлившись, парень глянул на противника. Тот еще стоял – вот что значит здоровущий мужик, – но глаза его закатились, жутковато поблескивая белками. Миг, другой... и Любослав рухнул лицом вниз. Аж гул прокатился по обступившему дорожку ельнику.

Разбойники молчали, ошеломленные поражением своего непобедимого главаря. Только фыркали кони и тоненько подвывал кто-то из плененных купцов.

– Да что ж это деется, православные?! – срываясь на визгливый хрип, заорал кривоносый. Его рот перекосялся, на бороде поблескивала ниточка слюны. – Уби-и-и-ил!!!

«А когда вы убивали, это тебя не пугало?»

Ватажники вдруг разом заволновались, зашумели. Кто послабее духом, шарахнулся в задние ряды. Позлее да позадорнее шагнули вперед.

– Убил атамана!

– Мыслимо ль дело?

– Человека живого да пяткой в лоб!

– Супостат!

– Не по-русски бьется...

– Нехристь!

---

³³ Оплёт – в славяно-горицкой борьбе боковой удар согнутой ногой, напоминающий пощечину.

³⁴ Бык – в славяно-горицкой борьбе прямой удар ногой. Аналог мае-гири в карате-до.

– Басурманин!

– А в кулаки его, православные! – надрывался кривоносый. – Бей!

– За Любослава! – вторил ему русобородый крепыш – про таких говорят: что поставить, что на бок положить.

– На ножи подлеца!

И только один, самый, наверное, здравомыслящий, пискнул:

– Тикаем, братцы!

Конечно, его никто не послушал. Мужики распаляли себя криками, махали кулаками, топали и рвали на груди кафтаны и однорядки, полушубки и зипуны. Швыряли оземь шапки.

Иногда прямо удивительно, как люди в толпе отважными делаются. Очень похоже на стаю шавок, когда через свалку, которой они владели целиком и безраздельно, вздумал неторопливо прошагать волкодав. И тогда случается вот что. Любая облезлая собачонка из тех, что, повстречав могучего пса один на один, поджала бы хвост, а то и обмочилась бы с перепугу, становится отважной и отчаянно яростной. Ну прямо огнем пылает! Заходится лаем, скалит желтые клыки, бросается в атаку. Но через два-три прыжка останавливается и возвращается к своим, в толпу. Там ей легче. Рядом мохнатый бок товарища. Он внушает уверенность, дает призрачную надежду победить. Так и здесь. Любослав мог с легкостью сломать шею любому ватажнику. Его боялись. Его уважали. Его слушались. За ним могли пойти в огонь и в воду. Против княжеских дружинников и обозной охраны, хорошо обученной и вооруженной. И вот явился человек, который победил их дорогого атамана голыми руками. Вернее, ногами, но какая, в сущности, разница? Они были озадачены, они были напуганы, они были растеряны. Но достаточно одного выкрика кривоносого, как все почему-то решили, что способны справиться с победителем Любослава. И теперь горят боевым задором...

Ну что ж... Никита, вдохновленный победой, их не боялся.

– Убирайтесь прочь, пока целы!

Вряд ли кто-то расслышал его голос за общим криком и гамом, но догадались многие. Только вместо того, чтобы послушаться, они бросились в бой, пылая жаждой мести.

Первым мчался кривоносый, выставив перед собой рогатину.

«На тигра не охотятся, как на медведя», – успел подумать ученик Горазда, а дальше размышлять стало некогда. Тело все делало само.

Никита повернулся на пятке, как заправский плясун, захватывая пальцами левой руки древко рогатины чуть пониже лезвия, а локоть правой с наслаждением впечатал в перекошенный, орущий рот разбойника. Мужик шлепнулся навзничь, только подошвы мелькнули.

Прежде чем остальные подбежали достаточно близко, парень очертил вокруг себя широкий круг отобранном оружием. Ватажники отпрянули, кто-то взвыл, получив кончиком лезвия.

– Прочь! – скорчив страшное лицо, выкрикнул Никита и закрутил рогатину, словно привычный посох. Сказать по правде, она была тяжелее, но злость придавала сил. – Не пощажу!

«Только бы не додумались за луки схватиться», – билась мысль.

Но разбойники оказались не способны нападать слаженно – единственный человек, умеющий управлять ими, валялся убитый, а если и живой, то не слишком-то отличающийся от покойника. Среди оставшихся не нашлось никого, кто смог бы взять на себя командование. Руководить боем – это не подзуживать товарищей, тут думать нужно, и разум должен оставаться холодным.

Кистени и длинные ножи, которыми размахивали лесные молодцы, никуда не годились против рогатины. Да что там говорить – они и от простой палки не отбились бы! Лишь у двоих имелось оружие на длинном древке, но они бестолково топтались позади более отчаянных

соратников. Еще несколько размахивали топорами, стараясь перерубить оскепище³⁵ рогатины. Никита несильно ткнул ближайшего в плечо. Лохматый мужик взвыл и бросил оружие на снег, пытаясь ладонями удержать кровь, быстро пропитывающую рукав армяка.

– Уррах! Уррах! – донесся издали знакомый голос.

Один за другим четверо разбойников рухнули ничком. Никита успел заметить торчащую из груди одного из них стрелу.

Неужто, Улан-мэрген? Самое время...

– Спасайтесь, кто в Бога верует! – истошно заорал коренастый грабитель, округлое пузо которого перетягивал ярко-синий кушак. Втянул голову в плечи и кинулся наутек.

Еще двое, самые сообразительные, последовали его примеру. Остальные никак не могли оставить бесплодных попыток зацепить ученика Горазда хоть кончиком оружия, хоть острием стального клинка. Никита резанул с потягом по рукам, сжимающим топорище, а затем, пустив рогатину полукругом за спиной, отогнал, а судя по крикам, и хорошенько зацепил еще парочку нападавших.

Обезоруженные и усаженные на снег купцы восторженно встрепенулись и кинулись на обидчиков, одолевая не умением, а числом – висли на одежде, хватали за ноги, за руки, валили, а после душили, били кулаками, выцарапывали глаза.

Татарин картинно остановил коня, едва не посадив его крупом на дорогу, и пускал стрелу за стрелой, не боясь промахнуться.

Разбойники метались по вытоптаным обочинам, превратившись в мгновение ока из охотников в добычу. Они рванули в лес – видимо, в ту сторону, откуда пришли, – но навстречу им выскочили верхами Мал и Василиса. В руке старого дружинник сверкал меч, а девушка крутила над головой саблю.

Взмах – удар!

Вправо! Влево!

Люди в серых армяках безжизненно валяются на снег.

Алые брызги разлетаются веером.

– Наша взяла! – радостно голосит Василиса.

А Мал довольно улыбается в седые усы.

– Уррах! – Ордынец отправил в полет последнюю стрелу и, подняв лук над головой, громко закричал: – Никита-баатур всех победил! Великий воин!

Парень остановился, упер древко рогатины в снег и наблюдал, как поднимается тот самый восточного вида купец и идет к нему неторопливой походкой уверенного в себе человека, привыкшего, что обычно ходят к нему. Но Никита не спешил шагнуть навстречу. Пускай первым представляется. Почему-то эти обозники были ему неприятны. Возможно, потому, что сдались на милость победителей, потеряв всего двоих? Уж охрана, которой командовал покойный Добрян, так запросто не сложила бы оружия.

Почтенному купцу осталось преодолеть не больше десятка шагов, как вдруг светлый конь, которого Любослав называл фарем, пронзительно заржал, взбрыкнул и рванулся прочь. Убитый разбойник волочился за ним – неосторожно привязал чембур³⁶ к запястью.

– All! All, Aranyos!!³⁷ – закричал старший купец, бросаясь коню наперерез. Поскользнулся и, нелепо взмахнув руками, растянулся во весь рост. Немедленно вскочил на четвереньки...

Но он не успевал. Никак не успевал.

Мал залихватски свистнул, разворачивая коня, но он тоже был слишком далеко.

---

³⁵ Оскепище – древко копья или другого оружия.

³⁶ Чембур – повод недоуздка для привязывания лошади.

³⁷ Стой! Стой, Золотой! (Венг.).

Никита на миг представил, что жеребец южных кровей, привыкший к уходу и доброму корму, останется один среди витебских чащоб, и ему стало жалко скакуна. Долго он тут не протянет. Или волки сожрут, или от голода и холода падет. Первое даже предпочтительнее, ибо несет меньше мучений.

– Ай-я-я-я!!! – отчаянно завизжал Улан-мэрген, кибитью³⁸ ударяя по крупу своего саврасого.

Конечно, коренастый, мохноногий жеребчик, которого дала ордынцу Василиса, не годился, даже чтобы нюхать пыль из-под задних копыт благородного аргамака, но мастерство наездника и волочащийся на чембуре мертвый разбойник сделали свое дело. На коротком рывке саврасый догнал фая. Улан, бросив лук, ловко перехватил рыжего за недоуздок.

– Стой, погоди, хурдун³⁹! – почти ласково воскликнул татарчонок.

Аргамак косил глазом, но подчинился, почувствовав уверенную руку. Перешел на неспешную рысь, а через несколько шагов и вовсе остановился. Улан-мэрген спешился, обнял скакуна за шею, прижимаясь щекой к теплой морде, что-то едва слышно зашептал.

Никита поневоле улыбнулся. Так трогательно смотрелись конь и человек. Они казались созданными друг для друга. Как меч и ножны, как солнце и небо, как море и волна. Парень махнул рукой и рассмеялся, обратив лицо к ярко-синему, как бесценный самоцвет, небу.

– Что ты хохочешь, будто рехнулся? – нарушая мгновение счастья, раздался удивленный голос Василисы. – Снегом умойся – полегчает.

Девушка шагала к нему, ведя коня в поводу. Мал ехал следом, поглядывая по сторонам из-под сведенных бровей – не пошевелится ли кто их поверженных грабителей, не попытается ли принести вред смолянке?

Продолжая улыбаться, Никита зачерпнул полную пригоршню колючего снега и бросил себе в лицо.

– Правду говоришь. Полегчало, – усмехнулся он.

– А ты, взаправду, умелый воин, – Василиса покачала головой. – Пальца в рот не клади. Не врал.

– А мы, тверские, такие!

– Не врете или деретесь знатно?

– Слов на ветер не бросаем.

Девушка кивнула:

– Верно. И в задних рядах не стоите на поле боя. Это я поняла. Так ведь, Мал? – Она повернулась к старику.

Тот серьезно кивнул. Даже не кивнул, а скорее поклонился парню. В его глазах светилось, как ни удивительно, самое настоящее уважение. А потом старый воин поднял меч в воинском приветствии: острое клинка – в небо, крестовина – на уровне глаз.

– У тебя сердце витязя, Никита, дружинник тверской. Дружинников бывших не бывает, но и притворяться ими нельзя. Как ни старайся, все равно не выйдет.

– Спасибо. – Парень вежливо ответил на поклон, приложив левую ладонь к груди. – Спасибо на добром слове, Мал, дружинник смоленский. Только князю тверскому я никогда не служил и служить не буду. Хочешь уважить по справедливости, зови дружинником московским.

– Все-таки московский? – Легкая тень пробежала по лицу старика. – Ну да ладно, паря... Московский так московский. И это тебе спасибо. Ты мне напомнил, что русский человек не должен по кустам прятаться, если кто-то где-то непотребство чинит. А я стал трусливый и малодушный.

– Неправда! – возразила девушка. – Ты не о своей шкуре думал...

---

³⁸ Кибить – рабочая часть лука, предназначенная для натягивания тетивы.

³⁹ Хурдун, хурдун хуба – быстрый конь.

– Хватит ругаться! – остановил их Никита, который заметил приближающегося купца.

Спасенный подходил не спеша, сохраняя степенность, достойную именитого и небедного человека. Обходил валяющихся то здесь, то там разбойников. Большинство лесных молодцев сумело все-таки уйти в лес, воспользовавшись неразберихой, которую вызвал фарь. Остались лежать с полдюжины. Из них шевелился и поскуливал только кривоносый, с рогатиной нападавший на парня. Он двумя ладонями держался за лицо, и между пальцами сочилась алая влага. «Похоже, нос я ему все-таки подровнял», – подумал Никита.

– Koszonom szépen! – Купец с достоинством поклонился, сдернув с головы мохнатую шапку с роскошным, но надломленным пером. Когда только успел подобрать? Заметив озадаченные лица спасителей, он повторил по-русски, но со странным выговором. – Спаси... Бог... Вас... Так, кажется, говорят у вас?

– Рады помочь. – Василиса выпрямилась, расправила плечи и отвечала с поистине княжеским величием: – Ты уж прости, гость чужестранный, что Русская земля так тебя приветила. Купец улыбнулся, водрузил шапку на место.

– В моих родных краях... rablo... как это будет... А! Грабители! В моих родных краях грабители встречаются чаще. Даже рыцари не брезгают обирать... негоциантов.

– Кого? – Никита округлил глаза.

– На западе так купцов называют, – пояснила девушка.

– Да, – кивнул спасенный. – Я – Андраш Чак из Пожоня⁴⁰. А кого мне благодарить перед Господом? Кому я обязан?

– Ого! Далеченько ты забрался, почтенный Андраш.

– Дела торговые... – развел он руками.

– Я – Василиса. Из Смоленска. Со мной мои друзья и охранники. Путешествуем. Сейчас в город Витебск путь держим.

– О! С такими друзьями путешествовать не страшно, – Андраш кивнул на Никиту. – Olyan fiatal⁴¹, а великий боец. Я хотел сказать...

– Да мы догадались!

– Не такой уж и великий, – засмутился парень.

– А что ж ты, почтенный Андраш, – пришла на выручку Василиса, – такую плохую охрану нанял? Только лихие людишки на дорогу, а они лапки кверху?

– Лапки? Кверху? – не понял мадьяр.

– Ну, сдались сразу. Без боя, без сопротивления.

– А! Так это не охрана! – Купец презрительно скривился, поглядывая на своих людей, копошившихся у возов. Они распихивали обратно вытащенные разбойниками товары. Трясущимися руками запрягали лошадей. – Я охрану отпустил вперед, в город. Думал, если Витебск sorban... э-э... рядом, можно не опасаться. Со мной двое были... Вон они лежат.

«А Любослав – не дурак, – подумал Никита. – Сразу понял, кого нужно из засады положить. Не простой в этой ватаге атаман... был. Или живой он еще? Посмотреть бы».

– Этого vezér... Как это по-русски? Вожака! Его нужно вязать и с собой забирать, – будто услышал его мысли Андраш. – Допросить с пристрастием... Думаю, вы со мной в город поедете? Я не обижу.

– Не нужна нам плата, – решительно отказалась Василиса. – Мы – не наемники.

– Но в помощи не откажем, – снисходительно промолвил Мал. – Или мы не русские люди?

– О! Leány⁴² благородного рода. Я это сразу увидел. Должно быть, дочь герцога... Э-э... Я хотел сказать – князя.

⁴⁰ Старое название Братиславы.

⁴¹ Такой молодой (венг.).

⁴² Девушка (венг.).

– Вот еще! – фыркнула смолянка. – Поедем, почтенный Андраш. Да поскорее, вечер скоро.

На том и порешили. Да только человек предполагает, а Бог располагает. Сборы затянулись. Пришлось чинить обрезанные постромки и гужи – разбойники торопились и чужого добра не жалели. После скрутили ремнями и усадили в сани Любослава и кривоносого. Атаман пришел в себя, но соображал туго: крутил головой и водил ошалелыми глазами по сторонам.

Андраш долго осматривал коня, которого звал Золотым, пока не убедился, что ни одна шерстинка не упала с драгоценного фая. Не доверив никому, перебинтовал ноги, поправил завязки, удерживающие попону. Улан-мэрген сунулся было помочь, но нарвался на такой отпор – молчаливый и холодный, но решительный, – что поспешил убраться от греха подальше. Лишь завистливо поглядывал со стороны и вздыхал.

Так и вышло, что в путь тронулись уже в сумерках.

Никита вез попрек седла честно, с боя, отобранную рогатину. Унижаться и просить Василису дать ему меч он не хотел. Хотя Мал, сопя в усы, предложил парню выбрать что-нибудь по вкусу из его оружия. Ордынец, воспользовавшись случаем, оставил себе лук, перешупал все стрелы, отобрав подходящие.

Тьма сгустилась очень быстро. Бледный серпик месяца почти не давал света. Лес и дорога выглядели призрачно и немного пугающе. Будто обоз провалился в сказочный мир, недобрый и очень подозрительный.

Когда уже потянуло дымком от витебского посада, а вдалеке послышался лай собак, на дороге показались несколько всадников с факелами. Мал потянул клинок из ножен, а Улан-мэрген наложил стрелу на тетиву.

– Ur Андраш! Tulajdonos! Nat on, úr Андраш?⁴³ – донеслось из темноты.

– Nat én, Дьёрдь!⁴⁴ – громко крикнул купец и пояснил русским спутникам: – Вот они, охранники мои. Явились, не задымились... Так у вас говорят?

У Никиты отлегло от сердца. Еще один кусок пути пройден. Из Витебска можно поворачивать на полдень, к Лукомлю, а оттуда уже выбирать на Бобруйск. Воевода Олекса советовал именно так ехать на Вроцлав. Там можно, если улыбнется удача, нагнать отряд Емельяна Олексича. И повстречать Федота Каина, которого татары прозвали Кара-Кончаром⁴⁵. Вот тогда он, Никита, или отомстит за смерть учителя, или погибнет.

---

⁴³ Господин Андраш! Хозяин! Это вы, господин Андраш? (Венг.)

⁴⁴ Это я, Дьёрдь! (Венг.)

⁴⁵ Кара-Кончар – Черный Меч (тюрк.).

Глава четвертая

Хмурень 6815 года от Сотворения мира Неподалеку от Друцка, Полоцкая земля, Русь

Вилкас полной грудью втянул морозный воздух, ударил пятерней по струнам канклеса⁴⁶ и затыкнул:

Stakleles naujos, drobeles plonos
Stakleles naujos, drobeles plonos,
O merguzele kai lelijele.

Stakles trinkejo, drobės blizgejo,
O merguzele gražiai dainavo.

Silku nyteles, nendriu skietelis,
O saudyklele kai lydekele...⁴⁷

Стая ворон взлетела с ближайших дубов и с горестными криками закружила над дорогой. Чернобородый, горбоносый тверич по имени Пантелеймон сплюнул трижды через левое плечо, по-видимому считая воронье дурным предзнаменованием, а после размашисто перекрестился.

– Ну, завыл... – поднял глаза к небу, вздыхая, Всемир – дружинник помоложе. На его левой щеке, чуть ниже глаза, белел короткий, неровный шрам.

Пантелеймон пожал плечами, взглядом указывая на вырвавшегося далеко вперед Семена Акинфовича. Под молодым боярином играл, выгибая шею, темно-рыжий с белой проточиной скакун, сухопарый и вислозадый, явно южных кровей. У прочих воинов кони были неплохие. Можно прямо сказать, очень хорошие кони, дай Бог каждому, Михаил Ярославич не поскупился, снаряжая отряд. Но ни один из них в подметки не годился рыжему аргамаку – он играючи мог обогнать любого, а потому тяготился неспешной рысью. Вот и приходилось Семену время от времени гонять коня галопом вдоль вытянувшейся по дороге цепочки всадников, порой скрываясь из виду, а потом появляясь в облаке пара и туче снежной пыли.

Боярин к литвину благоволил. Почему, не знал никто, включая самого Вилкаса. Вообще-то Акинфович не был суровым, любил поддержать болтовню дружинников, хохотал у костра над незамысловатыми шутками, хотя шалить своим не позволял ни в городах, ни в селах. Но он не выделял никого из отряда, а вот с литвином вел долгие разговоры. Расспрашивал о землях, которые предстояло пересечь. Вилкас отвечал честно. Все, что знал. Но сразу признался, что знает не слишком много: земли вокруг Вильно, Гродно, Новогрудка... Севернее Немана, где живет жмудь, он не забирался. Зато на дорогах Черной и Белой Руси чувствовал себя как рыба в воде. Не за это ли и взял его с собой Семен Акинфович?

– Слышь, литвин... – окликнул Вилкаса Пантелеймон, чтобы хоть как-то отвлечь от пения. Уж очень невзлюбил тверич, если не самого веселого, широкоплечего парня, то уж его

---

⁴⁶ Канклес – литовский национальный инструмент, напоминающий русские гусли.

⁴⁷ Литовская народная песня, в которой поется о девушке, ткающей полотно.

канклес точно. – А что ты песни не по-русски поешь? Ведь говоришь по-нашему, вроде бы наш человек, русский, а поешь...

Вилкас прервал пение на полуслове, приглушил струны ладонью.

– Да с чего мне не знать жмудскую речь? Бабка моя из-под Саула⁴⁸... Слыхал про такой город? Били там рыцарей-меченосцев⁴⁹. И жмудины с земгалами, и русские воины. Смертным боем били. Даже Великого магистра Волгуина фон Намбурга порешили.

– Первый раз слышу! – скривился тверич.

– Да кто бы удивлялся? – подмигнул ему Вилкас. – Где Тверь, а где Литва?

– Не понял... Ты это к чему?

– Да ни к чему! – Литвин широко улыбнулся. Искреннее некуда. Его немножко злил вьедливый и противный Пантелеймон, которого даже свои за глаза звали Пантюхой и тоже не испытывали теплых дружеских чувств. Но затевать ссоры Вилкас не хотел. Перед боярином Семеном неловко. И так мается с ними, как с малыми детьми. Зачем же еще масла в огонь подливать?

– Так чего там было, при Сауле-то? – вмешался Всемир и заслужил недовольный взгляд старшего товарища.

– А накостыляли меченосцам по самое не могу! – беспечно ответил литвин. – Как и Ярослав, князь новгородский, около Дерпта. Правда, он раньше на два года успел, постарался. Ну так с той поры и не стало меченосцев. Тех, кто выжил, тевтоны к себе прибрали.

– А бабка твоя тут при чем? – прищурился Пантюха. И добавил сварливо: – Его про песни спрашивают, а он про рыцарей начинает. Сейчас про рыцарей спрошу, а он запоет...

– Так бабка очень даже при чем! – не смутился Вилкас. – Дед мой из-под Крево родом. По молодости шустрый был. Непоседа непоседой. Понесло его жмудицам помогать. При Сауле он с мочугой⁵⁰ стоял на правом крыле. Трех рыцарей с коня сбил...

– Они что, на одном коне сидели? – хохотнул тверич.

– Где ж ты такого коня видел? Нет, ну, может, у вас в Твери и бегают такие, со спиной, как лавка в гриднице⁵¹... Только я не встречал. Дед мой здоровущий был. Я супротив него, что березка против дуба. Как даст дубиной, как даст!

– Еще здоровей, говоришь? – Всемир окинул недоверчивым взглядом широкие плечи Вилкаса – что называется, косая сажень.

– А то?! – подмигнул парень. – Тятка уже помельче был. А я и вовсе хлюпик супротив деда.

– Зато языком трепать ты здоров... Куда как! – протянул Пантелеймон.

– Не хочешь верить – не надо! Не больно-то и хотелось... А тех крыжаков⁵², что в битве на него наскочили, дед быстро убедил. Мочугой по шлемам. Только потом с пешцами схлестнулся, а их слишком много сразу навалилось.

– Человек сто? – подначил Пантюха.

– А не меньше! – легко согласился литвин. – Было бы меньше, дед отмахался бы... Он и от этих-то отбил. Но ранен был. Крови много потерял, упал. Думал, помирает. К счастью, наши победили, всех крыжаков разогнали, а раненых бабы с девками из окрестных деревень подбирали после битвы и выхаживали. Вот так мой дед с бабкой и познакомился. Забрал после, как выздоровел, ее к себе. Свадьбу сыграли. Так и вышло, что у меня бабка из жмуди, а дед русский.

---

⁴⁸ Ныне – Шауляй

⁴⁹ Битва при Сауле состоялась 22 сентября 1236 года. Она окончилась полным поражением меченосцев.

⁵⁰ Мочуга – дубина, изготавливаемая из молодых дубков. На коре живого дерева делаются разрезы, куда заталкивают осколки кремня. Когда они обрастают древесиной, дерево срубают и обтесывают рукоять.

⁵¹ Гридница – помещение в княжеском тереме, где собиралась дружина для пиров и совета.

⁵² Крыжак – крестоносец. От «крыж» – «крест».

– Какой же ты русский, когда кличка у тебя нерусская – Вилкас?

– А это все бабка. Мамка говорила, что у меня зубы рано вылезли, вот бабка и сказала: «Astriadantis, kaip vilkas!»⁵³ Так и повелось: Вилкас да Вилкас! А русские друзья меня Волчком звали... – вздохнул парень.

– Это те друзья, которых ты в Смоленске искал? – спросил Всемир.

– Ага! Они! Славные ребята. Один татарин...

– Тьфу! – Пантелеймон сплюнул на снег. – Как можно дружить с нехристом?

– А с чего бы это нельзя было? – Вилкас развел руками. – Князю Александру Невскому можно было хана Сартака братом назвать, а мне даже дружить с ордынцем нельзя?

– Тю... Сравнил! То князь, а то – ты.

– Да ладно! С добрыми воинами дружить никому не зазорно. А эти ребята дрались так, что любо-дорого поглядеть.

– Ну рассказывал ты уже, рассказывал... – устало отмахнулся тверич. – И как ордынец из лука бил, и как русский твой друг... Как там его?

– Никита.

– Во-во... Никита кинжалами колот. Где он только выучился? Не по-русски как-то...

– Вот все тебе не по-русски да не по-русски! А по мне, так все, что Руси на пользу, по-русски, – не выдержал Всемир.

– Ты поговори у меня! Сопля зеленая, а туда же – старших учить! – прикрикнул на него Пантелеймон. – Что Руси на пользу, то не нашего с тобой ума дело! На то князья да бояре имеются.

– Князья да бояре только меж собой скубутся. Нет чтобы сговориться и вместе по Орде ударить. Чай, наши люди, если скопом за что-то возьмутся, ни один враг не устоит!

Вилкас вздохнул. Опять эти двое завели спор. Сами не понимают, что они не лучше тех же князей и бояр. Пока русские между собой спорят, татары да немцы выгоду ловят. Неужели нельзя без ругани обходиться? Очень даже можно. Взять, к примеру, его, Вилкаса, Никиту и Улан-мэргена... Сколько вместе путешествовали и ни разу не поссорились. Даже не поспорили ни разу. Жалко, что судьба их разлучила. От друзей у литвина остались ордынский лук, из которого он все равно не стрелял – мастерство лучника никогда не было его коньком, – да тряпичная кукла. Ее Никита нашел в сожженном селе и после возил при седле.

Зачем парню детская игрушка, Вилкас не знал. Но однажды, среди ночи, когда разум блуждал на границе между сном и явью, ему показалось, что из куклы выбрался маленький человечек. Темная кожа на лице. Но не загорелая, а вроде бы закопченная, напоминающая цветом пергамент. Седая борода закрывала щеки до самых глаз, такие же седые вихры торчали во все стороны на круглом черепе. От обычного человека его отличали непомерно большие ступни.

Если верить бабкиным сказкам, так должен выглядеть каукас⁵⁴ – существо безобидное, относимое некоторыми к нечисти, а на самом деле не только не враждебное к людям, но и дружелюбное, частенько оказывающее услуги. Как и барздуки, живущие под корнями деревьев и варящие там пиво. Они, конечно, не прочь подшутить над одиноким путником, поводить его по лесу, но, в конце концов, отпускают его и даже могут что-то подарить на память, будто бы с извинениями за шалость. А каукас – и вовсе незаменим в доме. Чтоб мыши слишком много воли не набрали, чтобы молоко не скисало, хлеб не черствел... Хранитель домашнего очага, неразделимый с уютом и теплом родного жилища. Потому Вилкас и удивился, когда домовик появился посреди воинского стана в заснеженном лесу. Выбрался, деловито потоптался по снегу, будто бы разминая ноги (да и немудрено, если подумать, – попробуй, посиди в

---

⁵³ Зубастый, как волк (лит.).

⁵⁴ Каукас – литовское название домового.

кукле, узнаешь, как все конечности затекут!), похлопал ладонями по бокам. После принялся туда-сюда ходить вокруг торока с запасом еды. Принюхивался и вздыхал.

Литвин запомнил страдания каукаса и на следующую ночь, отломив кусочек хлеба, положил его рядом с собой. Домовик вновь появился. Радостно потирая ручки, схватил подношение, прожевал, смахнул крошки с бороды. Забормотал, прохаживаясь взад-вперед: «Волчок – мальчишка добрый, хороший... Не бросил дедушку-домового. Хочет Никитшу разыскать. Не знает только, что нету его на этой дороге. На полдень едучи, не найдешь Никитшу, не получится. Удаляется он, я чую...»

Проснувшись, Вилкас насел на Семена Акинфовича, уговаривая его повернуть на север. Боярин молчал, слушал, качал головой, а потом не выдержал, высказал все. Что и так терпит сверх меры надоедливый и норовистый литвин. Что ему не чьих-то там друзей нужно разыскивать, а выполнять приказ княжеский. Что они задержались сверх меры в Смоленске, а москвичи не дремлют и с каждым днем уходят вперед все дальше и дальше. Что только последний дурак может, стараясь попасть во Вроцлав, ехать на Витебск или Вильно. Тем паче что дружинники Юрия Даниловича идут по приметам и дорогу знают, а ему, Семену, нужно скакать «наобум Лазаря...». Махнул рукой и в очередной раз усккал разминать аргамака.

А Вилкас здорово задумался, стоит ли продолжать путь вместе с тверичами? Получается, что он бросил друзей в беде. Сам-то устроился как нельзя лучше – сытый и довольный, да при вооруженном отряде, на который разбойники вряд ли сунутся. А Никита с Уланом едут куда-то без помощи и поддержки, и еще неизвестно – по своей воле или нет? Как всегда, погрузившись в собственные мысли, литвин вытащил из торока канклес и запел:

Stakles trinkejo, drobės blizgejo,
O merguzele gražiai dainavo.

Zagrelt nauja, jauteliai palsi,
O bernuzelis kai dobielelis.

Вот тут на него насел Пантелеймон, не терпевший песни литвина не так из-за отсутствия у того умения, как из-за нелюбви к любой речи, кроме русской. Этим он сильно отличался от прочих тверичей, которым, в общем-то, было все равно, лишь бы человек хороший.

Вилкас стукнул пятками пегого конька жмудской породы – коротконового, толстошеего, но послушного и выносливого, – и, прибавив рыси, опередил спорящих дружинников. Поэтому он первым из отряда увидел поднятую руку Семена Акинфовича: знак быть наготове. Неужто боярин какую-то опасность углядел?

Литвин быстро сунул гусли в мешок, отцепил от седла тяжелую палицу, с какой управлялся лучше, чем с каким бы то ни было оружием, повернувшись к Пантюхе со Всемилом, вполголоса окликнул их:

– Начеку будьте! Других предупреди!

А сам подскакал к боярину.

Темно-рыжий скалился в сторону жмудка и прижимал уши.

– Тихо, Исток, тихо, – похлопал его по шее Семен.

– Чего там? – спросил Вилкас. Хотя одного взгляда на протянувшуюся впереди дорогу оказалось достаточно, чтобы понять причину беспокойства. Навстречу им рысил десяток всадников. Без шлемов, но со щитами при седлах. А если присмотреться внимательнее, то можно было заметить притороченные луки и самострелы. Кто такие?

– Кто такие? – литвин высказал вопрос вслух.

– Да кто угодно может быть, – рассудительно ответил тверской боярин. – Народу нынче по дорогам Смоленщины немерено мотается.

«Это точно», – не мог не согласиться Вилкас.

Время сейчас такое, что ехать навстречу с вооруженным отрядом мог кто угодно. И смоляне, и витебцы, и Витеня люди.

Если уж дать себе труд задуматься, то нисколько не удивит и встреча с немцами, и с поляками, и с галичанами.

Последние годы их князь... Или король? С недавних пор князья Галицкие себя королями именуют. Как Данила Романович короновался, так зовут они себя не иначе как «Regis Rusiae»⁵⁵. А в последнее время сильно Юрий Львович, внук Данилы, не мирился с Витенем и Гедимином. Не имея полководческого таланта деда своего и гибкости, граничащей с изворотливостью, отца – Льва Даниловича, «король русский» терял потихоньку земли, собранные вокруг Владимира-Волынского достойными предками. Отдал полякам Люблин с окрестными владениями, а там, глядишь, уже мадьяры точат зубы на Мукачево с Берегом. А кроме того, нельзя сбрасывать со счетов угрозу, что литвины отберут Берестье, а с ним и Дорогочин – город славы галицко-волынского оружия⁵⁶. Вот и пришлось князю Юрию заключать союз против Литвы с мазовецким князем Болеславом и Тевтонским Орденом.

Здесь, витебские земли противоборствующие стороны считали спорными. А потому нарваться на вооруженных людей, хоть принесших присягу Витеню, хоть подчиняющихся князьям галицким или мазовецким...

Вилкас исподволь оглянулся. Тверичи подтянулись поближе, разворачиваясь полукругом. Съехавшие на обочину дружинники взяли на изготовку луки и самострелы. Оставшиеся в середине сбились в плотный клин: ладони на рукоятках мечей, на топорищах. Попробуй-ка, подступись!

– Опустите оружие, – негромко скомандовал Семен. – Похоже, свои.

– Свои? – прищурился Вилкас. По его мнению, такие свои ничем не отличались от чужих. С чего бы это боярин вдруг стал доверчивым?

– Да смоляне это. Воевода Илья Приснославич, – пояснил Акинфович. – Если и не друзья, то уж не враги. Пока что... – Он подмигнул литвину. И, подняв раскрытую ладонь, поприветствовал смолян: – Здрав будь, воевода Илья!

– И тебе поздорову, Семен Акинфович, именитый боярин, – предводитель встречных воинов отмахнул рукой своим, чтобы успокоились и за железо зазря не хватались.

Смолянин и тверич сдержанно поклонились друг другу. Знатностью рода, как мог понять Вилкас, они были приблизительно равны, положением при своих князьях – тоже. Даже наружностью не слишком отличались: оба русобородые, высокие, плечистые. Хотя, пожалуй, Илья постарше будет – вон, виски уже сединой припорошены. Не так чтобы очень сильно, а все ж заметно.

– Удивился я, не скрою, тебя увидев, – сказал Семен. – Но встрече рад.

– Да и я не горюю. Сейчас на дорогах наших врага гораздо легче встретить, чем друга.

– Никак война на пороге? – нахмурился тверич.

– А с чего это ты взял?

– Так в мирное время воеводы, словно гонцы, по лесам и полям не мотаются. С малой дружиной для скрытности.

Илья улыбнулся. Как показалось литвину, через силу.

– Слава Богу, войны в скором времени не предвижу, – перекрестился смолянин. – Мы войны не ищем, хотя, ежели что, не забоимся, будем драться. Что до того, с кем и как я мотаюсь

⁵⁵ Король Руси (лат.).

⁵⁶ В 1238 году князь Данило Романович разгромил под Дорогочином немецких рыцарей, тем самым существенно укрепив позиции княжества и расширив свои владения.

по дорогам, то выполняю я поручение князя Александра Глебовича. Очень важное и ответственное.

– Уж не с теми ли беглыми татями связанное, из-за которых мой отряд проверяли на выезде из Смоленска?

– Каких таких татей? – поднял брови воевода. – Расскажи-ка!

– Ну, таких... – легонько хохотнул Семен. – Вздумали мы из града Смоленска выехать, а нет! Не выходит! Дороги рогатками перекрыты, и стражники стоят...

– Так то у нас всегда так. Ты верно заметил, время-то беспокойное. Хоть войны и нет пока, а ухо остро держать надобно.

– Так-то оно так, только стражники сказали, что моих людей осмотреть должны.

– Не приведи Господи! – шутливо всплеснул ладонями Илья. – Раздевали?

– Обошлось, – махнул рукой тверич. – Даже в торока не заглядывали. Сказали, двоих оборванцев каких-то ищут, что из-под стражи сбежали.

– В торока, говоришь, не заглядывали? – нахмурился смолянин. – Это упущение. Это я им разгону дам, как вернусь во Смоленск. Это ж надо! Стоит пару седмиц от службы отдохнуть, как стражники совсем совесть потеряли! В торока не заглядывают, за пазухой не шарят... Ай-ай-ай!

– Ты разберись, разберись, Приснославич! – в тон собеседнику поддакнул Семен. – И напомни своим стражникам, что я предлагал тороки развязать. А они сказали, что, чай, не мальчик-с-пальчик у них сбежал, в мешке не утаишь.

– А ты, поди, и рад тому, Акинфович? Небось половину котлов смоленских в мешках вывез?

– Ага! Половину! А половину оставил. Ты там порасспроси, когда вернешься, какие такие нелюди котлов пополам рубят и половинки по улицам разбрасывают... – Тверич рассмеялся, а Илья с готовностью подхватил.

Заулыбались и смоляне, застывшие в седлах позади воеводы. Их темные обводы вокруг глаз почему-то не позволяли Вилкасу согласиться, что ездил воевода просто в гости или грамоту там передать друцкому князю. Или воеводе, кто у них там?

– А что это за литвин у тебя такой, Семен Акинфович? – Илья вдруг прекратил смех на полувздохе. – Вроде бы раньше не было с вами...

– Не было, – посерьезнел боярин.

– Так откуда взялся?

– Проводника я нанял, Приснославич. А с чего это вдруг я тебе отчет давать должен? Мало ли кого я нанимаю или в попутчики приглашаю...

– Да так... – замылся смолянин. И нахмурился, туча тучей. – Ты, Семен Акинфович, про двух мальчишек расспрашивал, к Александру Глебовичу ходил... Помнишь, нет?

– Помню. Чего ж не помнить.

– Там как-то все без меня решалось... Ты скажи мне, положи руку на сердце, это литвин тебя за них просил?

– Руку на сердце, говоришь? – Тверич потрепал Истока по гриве, поглядел на близкий лес. – А с чего это я с тобой откровенничать должен? Вот если бы ты со мной начистоту...

Илья разве что только не зарычал:

– Не моя это тайна...

– Так что же ты от меня требуешь? Откровенность за откровенность.

Воевода задумался. На лице его отражалась кипучая внутренняя борьба.

– Отъедем? – сказал он, наконец решившись.

– Да запросто! – улыбнулся Семен.

Они повернули коней – темно-рыжего и каурого – и сошли на обочину. Жеребцы, насто-роженно поглядывая друг на друга, зашагали по целине. Когда обе дружины остались далеко позади, Илья вздохнул.

– Татарчонок и русский мальчишка... Еще те выжиги. О себе говорят, будто исполняют поручение московских князей. Они?

– Они, – кивнул Семен Акинфович. – А что натворили-то?

– Это ты меня спрашиваешь? А кто их разыскивал, князю челом бил?

– Я их разыскивал, потому что меня литвин попросил. Вот этот самый, – он через плечо ткнул пальцем в Вилкаса. – Ты верно догадался, Приснославич. Они ехали с обозом купече-ским от Москвы на Смоленск. Так ведь? За три дня пути до Смоленска на обоз напали. Не грабители. Похоже, селяне взбесились и сдуру начали убивать всех без разбору. Похоже на правду?

– Похоже.

– Литвина по голове дубиной ударили, он упал, до ночи провалялся. А твои люди, видать, проглядели, что он живой. Верно? Проглядели?

– Не до того нам было. Видел бы ты, Акинфович, какая там бойня была... Я с малолетства сражаюсь, а такого не встречал.

– Верю. А за что ж их в поруб усадили? Разве жизнь свою защищать – против Правды Русской?

– Там, Акинфович, много непонятного... За пяток дней до того, как на купцов напали, кто-то село сжег. Оно немного в стороне от тракта было. – Илья сглотнул слюну, ставшую тягучей и густой. – Смердов всех вырезали, от мала до велика. Тела в колодец побросали.

– Так ты на них грешишь, что ли? – удивился тверич. – Но ведь парни с купцами ехали. Разве смогли бы тайно целую весь перебить?

– То-то и оно, что ни купцов, ни охранников в живых никого не осталось. С обозом они ехали или с нападавшими вместе были?

– А следопытов с тобой не было, что ли?

– Да там все так истоптали – черт ногу сломит! – Смолянин сжал кулак. – К слову, что литвин твой говорит?

– Говорит, что от самой Москвы с обозом ехали. Село сожженное сами обнаружили и осторожность удвоили – ночью костры палили, сторожили... Только не помогло.

– Да видел я, что не помогло. А говорил тебе литвин, что с ними еще рыцарь-франк был?

– Рыцарь? Франк? Нет, не говорил. А из каких рыцарей?

– Из тех самых... – многозначительно произнес Илья.

– Что-то ты загадками сыплешь сегодня, Приснославич.

– Крыжак. Сиречь крестоносец... – начал воевода.

Семен насторожился, даже дыхание слегка задержал.

– Ордена Храма, – безжалостно закончил его собеседник.

– Да ну? – вырвалось у тверича, но он быстро взял себя в руки. – Мне-то что за дело?

– Ну да! Тебе никакого дела нет. Какие у тебя могут быть дела с храмовниками?

– Нет, что-то мне невдомек, Приснославич, ты что-то обо мне знаешь, чего я сам не знаю?

Илья жестко усмехнулся:

– Откровенность за откровенность. Хоть ты и юлишь, как мне кажется. Кто-то из твоих проболтался, зачем и куда ты едешь. Вовсе даже не к Владиславу Локотку в Краков, а дальше, в Силезию. В город Вроцлав, который немцы зовут – Бреслау. Да ты не мрачней. Александр Глебович не хочет дружбы с Михаилом Ярославичем нарушать. Потому не стал тебе препят-ствий чинить. И воеводам своим не велел.

– Что ж, «спасибо» мое князю передавай, – скрипнул зубами Семен.

– А ты обиделся никак, Акинфович?

– Да с чего мне обижаться?
– Правда, не обиделся? Вот и славно... А что перед тобой в Смоленске московский отряд был, ты слышал?

Тверич кивнул.

– Емельян Олексич его ведет.

– Слышал. Слухом земля полнится.

– Тогда ты не можешь не заметить, как все один в один сходится.

– Да заметил уже. Где эти мальчишки?

– Так сбежали они, Акинфович. Сбежали. Или ты не знал?

– Не знал. Христом Богом клянусь. А! Так это...

– Они. Да.

– А что ж вы так ищете старательно, если интереса своего князь Смоленский в этих ребятах не видит?

– Ты хочешь, чтобы я тебе сказал? – вздохнул Илья.

– Да не прочь бы...

– Скажу. Если ты честно скажешь мне, что за дела у вас с крыжаками-храмовниками?

Теперь настал черед Семена задуматься. Он закусил ус, без нужды перебирая поводья. Рыжему жеребцу, казалось, передалось волнение хозяина. Он взбрыкнул, клацнул зубами, заржал тихо, но со злостью. Боярин передернул удила, успокаивая аргамака. Сказал, глядя прямо в глаза воеводе:

– Я должен перехватить обоз из франкского королевства. У рыцарей договор с Юрием Московским – им они везут богатства Ордена. Откуда мой князь прознал об этом обозе, я не ведаю. Что именно везут, не ведаю. Ведаю, что перехватывать их надо под Вроцлавом. Что я и сделаю. А не выйдет, так голову сложу. Ты ж меня знаешь, Приснославич.

– Знаю. Потому и беседу веду. С другим не стал бы.

– Спасибо, – горько усмехнулся тверич.

– Ну, откровенность за откровенность, как уговаривались. Эти два уха – москвич с ордынцем – не просто сбежали из поруба. С ними княжна удрала.

– Княжна?!

– Она. Василиса Александровна.

Семен присвистнул:

– Вот это да! Княжну умыкнуть...

– Да такую княжну, как наша, и уговаривать сильно не пришлось, я думаю. Василиса, она с малолетства любила больше верхом скакать, да из лука стрелять, да сабелькой рубить... А вышивать за пальцами да на качелях в саду кататься – это не для нее.

– А куда же батюшка смотрел? – удивленно покачал головой Семен. – Не для княжны занятия.

– А младшенькая она. Любимая. Александр Глебович ей все позволял. Особенно как сына Глеба под Дорогобужем потерял. Вот и допозволялся... – Илья сверкнул глазами. – Одно утешает, не одна она с двумя парнями сбежала. Дядьку⁵⁷ взяла, старого Мала. На него вся надежда у меня.

– Так это их искали на выезде из Смоленска?

– Их. Князь взлютовал, аж про немецкое посольство забыл. Теперь еще с ними беда – обидятся, как пить дать. – Воевода горестно вздохнул и махнул рукой. – Ладно, Акинфович. Просить тебя татарина с москвичом нам отдать, ежели они вдруг тебе попадутся, само собой, не буду. Но уж Василису Александровну, не сочти за труд, отправь во Смоленск?

Тверич улыбнулся.

---

⁵⁷ Дядька в средневековой Руси – не родственник, а воспитатель из числа челяди, доверенный, надежный слуга.

– Русь большая, Литва с Польшей тоже не маленькие. Где их искать?

– Это гора с горой не сходятся. А человек с человеком... Тем паче, чует мое сердце, Василиса тоже во Вроцлав лыжи наострила. Потому я сам эту дорогу и оседлал с самыми верными и надежными дружинниками. Но ты тоже поглядывай, хорошо?

– Хорошо. Перед Богом обещаю тебе, – Семен перекрестился, – что княжну верну. Мальчишек – не обещаю.

– Кто б сомневался? – Воевода въедливо прищурился. – Ну, прощай, Семен Акинфович!

– Прощай и ты, Илья Приснославич!

Смолянин хлестнул коня плетью, поднимая его с места вскачь. Дружинники его, один другого суровее, промчались следом. Только снежная пыль взвилась.

Тверской боярин возвращался к своим неторопливо, покусывал ус.

– Ну что, соколики, соскучились по быстрой езде? – подмигнул он воинам.

– А чё нам скучать? – ответил за всех Пантелеймон. – Это татарам все равно: что наступать бежать, что отступать бежать. Русский человек запрягает медленно...

– Вот и считай, что уже запряг. Кончилась для нас спокойная жизнь. На Витебск поскачем! Коней не жалеть – вволю в Смоленске отдохнули! – Посмотрел прямо в лицо Вилкаса. – Поедем твоих друзей искать. Доволен?

Парень просиял:

– Правда? Доволен, знамо дело!

– Вот и погнали, пока их смоляне не нашли!

Исток, послушный хозяйскому приказу, рванул так, что невезучему Всемилу комок снега, вылетевший из-под копыта, угодил в раззявленный рот.

Тверская дружина поскакала напрямик на север.

Глава пятая

Студень 6815 года от Сотворения мира Нижний замок, Витебск

Именитый гость Андраш Чак из Пожоня оказался, на взгляд Никиты, очень неприятным попутчиком. Всю дорогу до Витебска он почем зря костерил бросивших его охранников: сурового Дьёрдя, молчаливого Иштвана, коренастого Лайоша, пучеглазого Чабу. Слава Богу, все эти «kutya», «disznó», «kos», «szamár»⁵⁸ звучали для ученика Горазда одинаково заковыристо и непонятно. Но мадьярский купец произносил их с таким смаком, а телохранители, обвешанные оружием, выглядевшие так, словно в одиночку могли разогнать ватагу Любослава одним только грозным видом, молчали, втянув головы в плечи. Дьёрдь попытался вяло оправдываться, но вызвал такой поток брани, сопровождавшийся потрясанием кулаков и размахиванием плеткой, что счел за лучший выход захлопнуть рот и кивать в ответ на каждое слово.

– Сколько ж это платить охранникам надо, чтоб такое терпели?.. – недоуменно произнес Мал, стараясь, чтобы слышали его только Никита и Василиса.

– Да, видать, немало, – усмехнулся парень. – Очень богатый этот Андраш, если такими конями торгует.

– Торгует? – презрительно бросила девушка. – Вот и видно, что ты в лесу вырос. Таких аргамаков не продают и не покупают. Таких красавцев только дарят, – повторила она слова Любослава.

– Дарят? Да он же стоит...

– Он столько стоит, что ты такую кучу кун и представить не можешь, – поддержал Василису старик. И признал, подумав: – Да и я тоже не могу.

– Дарят великим князьям, ханам и королям западным, – пояснила смолянка.

– Зачем купцам дарить что-то князьям? – удивился Никита. – Ради вольной торговли? Чтoб не утесняли пошлинами?

– Вот еще! Другие князья и короли дарят. Ради дружбы, союза воинского, в благодарность за помощь и поддержку.

– А купец тут при чем?

– Ну ты и темный...

– Я, может, и темный, – даже обиделся слегка Никита. – Я, может, и в лесу вырос. В державных делах ничего не понимаю. Ну так я и не лезу никуда. А что тебе мешает объяснить по-человечески? Или я тайны какие-то выпытываю, которые тебе князь Александр Глебович по доброте душевной открыл?

Мал с Василисой переглянулись.

– Ты не обижайся, – извиняющимся тоном проговорила девушка. – Это я про темноту твою, не подумав, ляпнула. Сейчас расскажу, что думаю...

Тем временем мадьярский купец знаком отпустил помощников, но ругаться не перестал. Ударяя кулаком по передней луке, от чего его конь шарахался в сторону и взбрыкивал, он то и дело выкрикивал охрипшим голосом:

– Tokfilkó világtalan és suket! Elmúlt értelem veszteget!⁵⁹

Слуги опасливо держались чуть поодаль.

---

⁵⁸ «Kutya» – собака; «disznó» – свинья; «kos» – баран; «szamár» – осел (венг.).

⁵⁹ Дурак слепой и глухой! Последний разум потерял! (Венг.)

«Хоть бы ты в болок свой забрался, – устало подумал Никита. – Всех уже замордовал...»

– Эка его разбирает, – крикнул Мал, слегка натягивая поводья, чтобы остаться рядом с придерживавшей коня Василисой.

Девушка же, убедившись, что ее слова не достигнут ушей мадьяр (кто знает, все они не понимают русскую речь или только прикидываются «валенками»), сказала:

– Думаю я, никакой он не купец.

– А кто? – выпучил глаза Улан-мэрген.

– Тебе что за дело? – срезала его смолянка. – Езжай себе да помалкивай!

Ордынец надулся, как сыч, и отвернулся.

– Не похож он на купца, – продолжала Василиса. – Вы сами заметили, как орет на свиту. Купец не позволит себе так на охранников шуметь. А вот князь... или кто у них там в Венгерском королевстве? Боярин? Воевода?

– Воевода – это в Валахии... – неуверенно произнес Мал. – Или в Молдавии. А у мадьяр, кажись, жупаны...

– Да и леший с ним! – отмахнулась девица. – Он на них орет, а они молчат! А сам он как выступает, видели? Ну, самое малое, князь удельный. Где вы видели купца такого значительного да настолько себе цену знающего? А?

Никита пожал плечами. Он и незначительных, раболепных купцов не видал. Те, с которыми ехал на Смоленск, были самыми обычными людьми – в меру хитрыми, в меру прижизненными, в меру честными.

– А если он не купец, то что тут делает? – Парень посмотрел в спину малость приутихшего, но продолжающего возмущаться Андраша. – Кому подарок везет? Если это, конечно, подарок и ты не ошибаешься...

– Думать надо... – Василиса будто и не заметила его намека. Она была уверена в собственной правоте. – Если он, в самом деле, из Венгерского королевства, то может быть посланцем Карла Роберта...

– Откуда ты все знаешь? – прищурился Никита.

– Не твое дело! Знаю, и все!

– Оно, может быть, и не мое... Только что ты за птица? Все знаешь. Всех князей поименно. И королей тоже...

– Я? – возмутилась Василиса. – Да я, если хочешь знать... – И осеклась на полуслове. – Не твое это дело.

– Ну вот. Опять не мое дело. Раз не мое, то нечего и разговоры разводить!

– Ой, не очень-то и хотелось! – Девушка вскинула подбородок.

Стукнув каблуками коня, она быстро нагнала Андраша и пристроилась с ним рядом. Мадьяр тут же прекратил ругаться, отвесил изысканный поклон. «В самом деле, – подумалось Никите. – Купец так не смог бы. Не та выучка. Неужели их попутчик – знатный боярин. Или нет, как там правильно. Жупан? Смешное название...»

– Ты, паря, не обижайся на нее, – подал голос Мал. – Балованная она...

«С чего бы это старик вздумал сочувствовать?»

– С детства никого не слушалась. А как она воеводу Илью Приснославича изводила...

– Это который Лют?

– Он самый. Только он с другими лют. А с нею тает, словно кусок масла на солнце. Виданное дело – девке позволять в разьезды с дружинниками скакать?

– А как же ее родители отпускали? И почему Илья им пожаловаться не мог?

– Родители... – вздохнул смоленский дружинник. – Матери у нее давно нет. Преставилась еще в год, когда под Дорогобуж князь Александр ходил. А отец... Нет, ты лучше не расспрашивай меня, а то сболтну лишку по-стариковски. Лучше не надо. – Мал даже затряс стриженной «под горшок» головой, будто стараясь отогнать искушение.

Никита пожал плечами:

– Нет так нет. Выпытывать против воли ничего не хочу. Когда решите, что пора, сами все расскажете. Только уж и вы не выпытывайте у меня ничего. Все равно не скажу.

Так они замолчали до самого Витебска.

Уже заприметив в неясном лунном свете громаду крепостной стены, парень подумал, что в город их, конечно же, не пустят. Кто это станет ворота ночью открывать? Да и зачем, если задуматься? Постоялых дворов и в посаде должно хватать. И дешевле там...

Он оказался неправ.

Ворота до сих пор держали нараспашку. Да не одну половинку, а обе створки, чтобы бок и сани с товарами проехать могли. Рядом с недовольными стражниками стояли двое мадьяр в коротких полушубках и барашковых шапках. Удерживая ладони на рукоятках кривых сабель, они низко поклонились Андрашу и отступили с дороги, пропуская обоз в город. Никита успел заметить, как в руки седоватого стражника – должно быть старшего над витебчанами – перекочевал округлый мешочек. Понятно, что ради одного только почтения к чужестранному гостю никто не стал бы нарываться на разнос от местного князя или воевод. А за хорошую мзду и пострадать можно. Даже потерпеть, если суровый командир вздумает по шее накостылять.

Как успел шепнуть вновь разговорившийся Мал, Витебск был старым городом. Ну, не старше Великого Новгорода или Киева, но с Москвой запросто мог поспорить. В народе говорили, что заложила его еще княгиня Ольга. Мол, проезжала она по Новгородской земле, ставила погосты⁶⁰ по рекам Мсте и Луге, а на обратном пути остановилась в том месте, где Витьба впадает в Двину. Видно, глянулся ей удобный пригорок, защищенный обрывистыми берегами, а также мудрая правительница не могла упустить возможность держать под надзором сразу две реки. Вот и основала на левом берегу Витьбы небольшое сперва поселение с деревянными кольями вместо огорожи. А, скорее всего, там люди уже жили, и Ольга пришла «на готовое», только повелела укрепление соорудить. Так или иначе, там, где некогда стоял посад, высился Верхний замок, по сути дела детинец. С юга и востока к нему пристроился Нижний замок – здесь стены были пониже, насколько позволяла разглядеть ночная темнота. Внутри располагались ремесленные слободки, торговая площадь и гостиный двор для заезжих купцов. Чего-чего, а посада, обнесенного крепостной стеной, Никита раньше не встречал. Ну так а какие города он видел? Москву да Смоленск? А кроме того Можайск, Вязьму, Дорогобуж – и те мельком, некогда было разглядывать.

В Верхнем замке обитал князь с боярами и ближней дружиной, стояли церкви, строились самые богатые купцы из местных. В Нижнем жил народ попроще. Хотя, как пояснил Мал, Витебск славился искусными ремесленниками издавна. Кузнецы и столяры, гончары и кожевники. А таких изразцовых дел мастеров, как здесь, и в западных королевствах не сыщешь. Не зря князь литовский Витень точит зубы на город и окрестные земли. И захватит. Не мытьем, так катанием. Все к этому идет.

А может так случиться, что и купцы, владеющие тугой мошной, а следовательно, имеющие немалое влияние на князя и бояр, сами предложат перейти под руку сильного и крепнущего с каждым годом Великого княжества Литовского. Ведь купцам надо торговать. Витебские торговые гости вывозили на все четыре стороны света желтый и белый воск, душистый мёд, соленое сало, лён, пеньку, деготь, поташ... И это еще не все! А обратно везли из чужих держав тонкие дорогие ткани, соль, доброе железо, сельдь, серебряные и золотые украшения. Но, если на юг и восток обозы уходили беспрепятственно, то на запад и север купцы направлялись неохотно. Тому виной было постоянное немирье витебчан с рыцарями-крыжаками Тевтонского Ордена, которых без изысков, не разбирая дотошно, кто есть кто, звали попросту немцами. Из-за этих самых немцев, так и норовящих перекрыть дороги на Литву и на Польшу,

---

⁶⁰ Погост – в Древней Руси место для сбора дани.

на Псков и Новгород, торговля не ладилась. А всем известно, как Витень с Гедимином не любят тевтонцев. Потому лучше дружить с литовскими князьями... Примерно так, по словам Мала, рассуждали нарочитые мужи Витебска.

У города был еще посад в правобережье Витьбы. Ну не помещались уже все мастера и торговцы в Нижнем замке, а потому город потихоньку разрастался, расплывался вширь. Там тоже, при желании, любой мог отыскать ночлег. Слава Богу, постоялых дворов хватало с избытком.

Никита, проезжая ворота, подумал, помнится, что предположение Василисы оказалось ошибочным. Если Андраш не тот, кем представляется, то ему надо бы скрываться, выбирать постоянный двор на отшибе, где посетителей – раз, два и обчелся. Ведь купечество друг дружку знает, если не в лицо, то по слухам. Новым человеком могут заинтересоваться, а потом возникнут ненужные расспросы, разговоры. А то еще можно наткнуться на торгового гостя из родного Пожоня, который выдаст тебя с потрохами неосторожным словом. Не со зла, а просто захочет проявить уважение – поклонится да назовет по настоящему имени...

Но мадьярский купец или ничего не боялся, что свидетельствовало бы о его честности и открытом сердце, или был полным дураком. Хотя в последнем Никита усомнился, учитывая седины и несомненный достаток Андраша. Глупцы если и доживают до почтенного возраста, то вряд ли способны нажить богатство.

Но купец из Пожоня направился прямоком на самый большой постоянный двор. Расшумелся во дворе, требуя особого отношения к себе. Вначале он тряс мешочком с монетами и уговаривал хозяина – кривоногого и плешивого бородача с хитрыми, по-татарски прищуренными глазами – прогнать всех прочих постояльцев. Он-де, Андраш Чак из Пожоня, все убытки оплатит. А останавливаться под одной крышей с целой толпой незнакомых людей – один Бог знает, что у них на уме, – он не хочет. Слишком ценный груз. Следует отдать должное хозяину гостиницы, он стоял насмерть и не поддавался на уговоры. Тогда Андраш потребовал выделить отдельную конюшню для его коней. Никита догадался, что мадьяр хочет прежде всего обезопасить Золотого от конских татей, но подумал, что поднятая купцом шумиха скорее привлечет нежелательное внимание. А там поползут слухи... Или он, правда, несмотря на седины, ума не нажил?

И тут напор Андраша успеха не имел. Единственная уступка, на которую ему удалось уговорить колченогого хозяина, заключалась в том, что для мадьярских коней освободили близлежащие стойла. Дьёрдь тут же назначил сторожей, погрозив им сперва кулаком, а потом и плетью и добавив длинное высказывание, из которого Никита запомнил только многократно повторенное «апуа»⁶¹.

Но перебранка во дворе вновь испортила настроение почтенному Андрашу. Входя в харчевню, он бурчал под нос: «Szemét szálloda... Szemét l'jistálló... Szentelen paraszt...»⁶² Ни за что ни про что дал подзатыльник тихому, бессловесному слуге, который запомнился Никите еще по заснеженной дороге – парнишка стоял на коленях и быстро-быстро шевелил губами, должно быть, молился.

К счастью для Андрашевой свиты, за длинными столами сидели несколько купцов. Двое, судя по вышивке, украшавшей воротники рубаш, из Литвы, откуда-то из-под Новогрудка. Один в смешном суконном зипуне, кургузом, с узкими рукавами, и странной шапочке, облегающей голову, словно мокрые волосы. При виде громогласного мадьяра по их лицам промелькнула тень озабоченности, но, убедившись, что это всего-навсего господин распекает нерадивых слуг, торговые гости тут же уткнулись носами в глубокие миски.

⁶¹ Мать (венг.).

⁶² Дрянная гостиница... Дрянная конюшня... Наглый мужик... (Венг.)

Андраш пренебрежительно махнул рукой, усаживая охранников за дальний стол, поближе к чадающему очагу – здесь топили «по-черному».

– Надеюсь, что спасители согласятся megvacsorazik... Как это будет по-русски... А! Поужинать со мной? – повернулся он к Василисе с Никитой.

– Не откажемся, – кивнула смолянка, подмигивая парню. О дорожной размолвке она, похоже, уже забыла.

Мал уже давно занял место по чину – между Лайошем и Чабой. А Улан-мэрген решительно направился к тому же столу, что и Никита.

– А татарин куда? – нахмурился Андраш. – Слуг распускать нельзя...

– Он не слуга, – вступился за друга Никита. – Улан из славного рода. Он – сын нойона. Это князь по-нашему.

– Fia herceg? – удивился купец. – Nem talaén! – И, вспомнив, что лопочет по-своему, перевел: – Не может быть, чтобы это был сын князя!

– Может, – подтвердила Василиса. – Разве у вас младшие дети знатных родов не пускаются в странствия, чтобы сыскать славу, почет, богатство?

– Так то у нас... – задумчиво протянул Андраш. – Nagyotmányu elokelo lovag⁶³...

– Чего-чего? – прищурилась девушка.

– Я говорю, holgy⁶⁴ Василиса, что не ожидал в ваших землях встретить последователей рыцарских обычаев, освященных веками благородных войн...

– А мы, значит, рылом не вышли? – жестко прищурилась смолянка. – Дикари? Язычники?

Мадьяр пожал плечами:

– Но ведь у вас нет рыцарей...

– Рыцарей нет, а кто вашу Европу грудью прикрыл, когда монголы навалились?

– Неправда, holgy Василиса, Венгрия от той... háború... войны в стороне не осталась. Король Бела отважно сражался! Но воинская... szerencse... удача отвернулась от него. Враг ворвался в Буду на плечах наших воинов...

– И спалил город, – подсказала Василиса.

– С Субудай-баатуром шутки плохи, – усмехнулся Улан.

– Если бы Бела успел соединиться с Генрихом Набожным... – не заметил издевки Андраш. – Кто знает, чем бы обернулась битва при Лигнице?!

– Если бы да кабы... – пробормотал ордынец.

– Били татары и ваших рыцарей, и наших ратников, – подвела итог смолянка. – Так что воины они хоть куда, и их нойоны ничем не хуже наших с вами князей.

Купец с сомнением пожевал губами, но потом просиял и отвесил легкий поклон:

– Я склоняюсь перед мудростью и... как это сказать... szépség... А! Красотой.

С легкой улыбкой он пропустил Василису к столу. Сам уселся напротив. Никита построился рядом с девушкой, а Улану ничего не оставалось, как присесть около мадьяра, который так потешно на него покосился, что татарчонок не сумел сдержаться и фыркнул в рукав.

– Эй! – Андраш помахал рукой, хотя хозяин постоянного двора никуда не уходил. Стоял неподалеку и ждал, когда же говорливые гости подумают о еде. – Эй, как тебя... Иван!

– Молчан я... – Корчемник откашлялся, переступил с ноги на ногу.

– Все русские – Иваны, – скривился купец. Потом глянул исподлобья на Василису, поправился: – Jó!⁶⁵ Молчан. Неси нам bor... вино! Самого лучшего. А к нему porkolt⁶⁶.

⁶³ Традиции благородного рыцарства (венг.).

⁶⁴ Госпожа (венг.).

⁶⁵ Хорошо (венг.).

⁶⁶ Гуляш (венг.).

– А... это... Чего, господин?

– Глупый parasz... Как это правильно сказать? Pecsénye... Мясо...

– Так пост же, господин. Филиппов пост⁶⁷...

– Пост? А... Ну да, пост... И что с того?

– Так сухоядение нонче. А ты, господин, мяса просишь...

– А тем, кто в пути, Церковь позволяет не поститься, – вмешалась Василиса. – Или ты не знал, Молчан?

Витебчанин задумался на миг, а после развел руками:

– Так-то оно так, да нет мяса, не держу до Рождества.

– А вино? – насторожился Андраш.

– Вино есть. И пиво есть. Только...

– Что только?

– Так это... Пост.

Никита едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в полный голос. Он сам был непривередлив в еде. Живя с Гораздом, привык поститься едва ли не каждый день. Мясо они видели очень редко. Молоко, творог, грибы, орехи, ягоды... И ничего. Хватало для каждодневных упражнений в боевом искусстве. Улан, отвернувшись, рассматривал гостей, сидящих за столами. Его вера постов не признавала. Монголы и так всю жизнь в дороге – не пожирешь.

– Вот, опять за свое! Я сегодня с жизнью прощался. Мне вина выпить kellene... надо. – Андраш начал багроветь. Еще чуть-чуть – и разразится криком, а то и в ухо может засветить несговорчивому корчемнику.

«Ну зачем нам еще заботы со стражей? – подумал Никита. – Нужно как-то выкручиваться...»

– Почтенный Андраш, – проговорил парень. – А может, мы яичницей обойдемся?

– Пятница сегодня... – снова забубнил Молчан, но уже без былой убежденности. – Сухоядение...

– А мы путешественники! – прихлопнула ладонью по столу Василиса. – Мяса не просим, хоть яичницы принеси!

– Igen! Jásrántotta!!!⁶⁸ – обрадовался мадьярский купец. – Тащи, parasz! И много! Sok! Быстро тащи.

Он звякнул по столу серебряной монетой. Подумал и добавил еще одну:

– И вина неси...

Молчан повздыхал-повздыхал и отправился выполнять распоряжение. А что поделать? Каким бы ты набожным ни был, как бы ни придерживался постов, а терять богатого и влиятельного гостя никому не хочется.

– А что, почтенный Андраш, – вкрадчиво проговорила Василиса. – Король ваш, Карл Роберт, укрепился ли на престоле?

– Карл Роберт? – нахмурился мадьяр. – Этот мальчишка? Tej... молоко на губах не обсохло, а туда же, в короли... – Он сдержанно, но с чувством стукнул кулаком по столешнице. – Неаполитанцев нам не хватало на... trón...

– На престоле?

– Да, на престоле. Уж на что Вацлав Пржемыслович никчемным королем был...

Андраш задумался, сжимая и разжимая кулак. Брови его при этом шевелились, как две мохнатые гусеницы.

– А ведь это он, Карл! – вдруг воскликнул купец.

– Что? – удивилась Василиса.

---

⁶⁷ Рождественский пост называется Филипповым, поскольку начинается после 27 ноября – дня памяти апостола Филиппа.

⁶⁸ Да! Яичница!!! (Венг.)

– Карл этого rabló подкупил! Чтобы на меня напал! Допросить его надо!

– Карла? – сделала глупое лицо смолянка.

– Что ты, holgy Василиса! Rabló. Разбойника, то есть... Дьёрдь!

Пока подбежавший охранник выслушивал приказания, Василиса наклонилась к Никите и шепнула:

– Не похоже, что он посланник венгерского короля.

– Ну так я и не говорил...

– Это я говорила!

– Верно. – Парень рассеянно кивнул. История мадьярского торговца почему-то перестала его интересовать. А вот покрасневшая в тепле щека девушки, ее синие глаза и пушистые ресницы... Так бы сидел рядом, касаясь плечом плеча, и разговаривал бы, а все короли, князья и купцы пускай провалятся под землю с громким треском.

– Эй, ты о чем задумался? – толкнула его локтем Василиса.

– Да так... – уклончиво ответил ученик Горазда. – Ты что-то говорила про короля?

– Ага! Я тут стараюсь купца нашего разговорить, а ты вылутился в стенку и улыбаешься, будто пыльным мешком по голове пристукнутый... – зашипела она.

– О чем беседуют мои благородные спасители? – Андраш отпустил старшего охранника.

– О том, что допросить разбойничка лучше утром, – лучезарно улыбнулась Василиса. – У нас говорят: утро вечера мудренее.

– А у нас говорят... – покачал головой мадьяр. – У нас говорят: красивая и умная девица – чудо немалое.

Девушка зарделась пуще прежнего. А Никита ощутил мгновенный приступ ненависти к говорливому купцу. Ишь ты! Седина в бороду, бес в ребро... Он уже собирался было сказать какую-нибудь резкость, не считаясь с почтенным возрастом и, несомненно, высоким положением Андраша, но подоспевший Молчан, тащивший пузатый кувшинчик, отвлек парня.

– Ваше вино, почтенные, – процедил сквозь зубы корчемник. От желчи, разлитой в его голосе, это самое вино могло запросто скиснуть. – А вот и яичница поспела...

Вихрастый конопатый мальчишка подтащил, придерживая сложенным вчетверо полотенцем, широкую сковороду. Поставил посередине стола.

Обрадованный Андраш не обратил внимания на недовольную рожу Молчана. Разлил вино – красное, будто кровь, – по кружкам. Провозгласил:

– Egészségére! – И перевел на русский: – Ваше здоровье!

Никита хмельного не любил. Пробовал пару раз, но не находил в опьянении какого-то особого удовольствия. Поэтому он просто пригубил благородного напитка, оказавшегося неожиданно сладким и густым, наподобие взвара.

– Э-э-э... Так не годится! – возмутился мадьярский купец. – За здоровье пьют до дна! Или ты меня, harcos⁶⁹ Никита, обидеть хочешь?

Пришлось допить. Попав в голодный с раннего утра желудок, вино разлилось горячей волной. Закружилась голова.

Андраш немедленно разлил еще по одной.

– А скажи, harcos Никита, пойдешь ко мне в охранники? – льстиво улыбаясь, проговорил купец.

Ученик Горазда потрянул головой:

– Не пойду.

– Почему?

– Я не нанимаюсь торговцев охранять.

– А на что же ты живешь? – искренне удивился Андраш. – Кому служишь?

---

⁶⁹ Воин (венг.).

– Руси служу, – твердо отвечал парень.

– Глупости! – Наниматель поднял кружку, призывая сидящих за столом присоединиться к нему. – Служат князю или королю. Иногда нанимаются, как это... в охрану... к торговым людям... – Он отхлебнул, отер рукавом усы, подцепил изящной серебряной вилочкой здоровенный кус яичницы.

– Не все за деньги купить можно, – коротко бросил Улан.

– Igen? – повел бровью купец. – Ezust... серебро то есть... все решает.

– А честь? Честь баатура?

– Толку от чести, когда vminek... э-э... зад голый? Прости, holgy Василиса... Рыцарь служит королю. Дружинник – князю. Нукур служит нойону или хану. Нельзя служить земле. За что кольчугу и меч купить? Чем коня кормить?

– Если никто не пробовал, это не значит, что нельзя, – сказал Никита и сам себе поразился. Никогда уверенные и значительные речи не входили в число его достоинств. Или это вино действовало?

– Igen? – Купец пожал плечами. Отхлебнул еще. – Egészségére!

– А кому ты, почтенный Андраш, коня везешь? – вдруг прямо в лоб спросила Василиса.

– Коня? А... Агапуос... Нравится? Красавец.

– Ты ведь в подарок его кому-то приготовил, так ведь? – смолянка прищурилась.

– Jaj! – воскликнул Андраш, в притворном ужасе сжимая голову ладонями. – Несчастный тот княжич, который твоим мужем будет, holgy Василиса!

– А все-таки? Ливонцам или Витеню?

– Ты как догадалась, holgy Василиса? – Багровые щеки мадьяра побелели. – Про то знать никто не знает. И не положено никому знать... Rejtély! Тайна!

– Ладно, почтенный Андраш... – Девушка развела руками. – Не хочешь говорить – не надо. Только на Руси умных больше, чем ты думаешь. И не одна я такая догадливая. – Она подмигнула купцу и пригубила вина.

Тот забурчал что-то невнятно.

– Ur! Bajok⁷⁰! – Откуда ни возьмись у стола вырос горбоносый Дьёрдь. Его лицо выражало озабоченность и даже, к удивлению Никиты, испуг.

– Mi kell? – вскинулся Андраш.

Охранник залопотал что-то по-венгерски, бросая косые взгляды по сторонам.

Никита следил, как мрачнеет купец, как наливаются бурым его обрюзгшие щеки, вздуваются жилы на висках.

– Не к добру это... – шепнула Василиса.

И тут Андраш рывкнул так, что покачнулось подвешенное к потолочной балке колесо со светильниками. Вскочил. Грянул кувшином об пол. Дьёрдь шархнул и побежал к своим, озабоченно оглядываясь через плечо.

– Сбежали! – Он повернул искаженное бешенством лицо к сотрапезникам. – Оба разбойника! Уходить нам надо...

– Да чего ты так испугался, почтенный Андраш? – Василиса, хоть и съежилась, но сохранила присутствие духа. – Что тебе разбойники сделают в городе? Тут и стража, и твоя охрана не дремлет...

– Они к тем побегут, кто их нанял. Скажут – здесь Андраш Чак.

– И что с того?

Купец будто не заметил ее вопроса. Сказал, тяжело опираясь ладонями о стол:

– Последний раз предлагаю с нами ехать. Я – Андраш Чак из Пожоня. Я слов на szél... ветер... не бросаю. Поможете – озолочу. Помешать мне вздумаете – не обессудьте.

---

⁷⁰ Беда (венг.).

– Да ты пугать нас вздумал, не иначе?

– Nem... Нет... – Загадочный гость из Венгрии неожиданно смутился. – Нет, holgy Василиса. Просто я очень хочу, чтобы ты поехала со мной. Таких умных и красивых leány я не встречал. Да еще и боевитых... Стоило покинуть родину и отправиться в дикую варварскую Русь для того, чтобы повстречать тебя...

Василиса выпрямилась, выгнула бровь:

– Тебе не вино ли в голову ударило, почтенный Андраш Чак из Пожоня? – Слово «почтенный» она выделила особо. – Я еду туда, куда хочу. Тогда, когда хочу. С тем, с кем хочу. Ясно тебе, почтенный Андраш Чак из Пожоня?

– Это твое последнее слово, holgy Василиса?

– Последнее.

– Тогда, bocsánatot kér... То есть прощения прошу. Прощай, holgy Василиса. Может, когда свидимся.

Мадьяр развернулся и, не удостоив Никиту и ордынца ни словом, ни поклоном, отправился прочь. Его свита потянулась следом.

– Он такой же купец, как я смердова дочь... – в наступившей тишине проговорила смолянка.

– Знать бы раньше, какой он гад подколодный... – задумчиво отозвался Никита.

– Надо тебе было за него вступаться? – вмешался татарин. – У нас про таких говорят: лицо белое, а сердце черное.

– Я бы себе никогда не простил, когда бы людей бросил в беде... – рассеянно ответил ученик Горазда. – Что ж мне, сравняться с ним, что ли?

– Русский человек даже инородца в беде не бросит, – добавил подошедший Мал. И тронул за рукав Василису. – Темная душа у этого Андраша Чака. Нам теперь настороже быть надо.

– Андраш Чак... – повторила за стариком девушка. – Андраш Чак... Слыхала я про одного Чака. Уж не родич ли?

– Что ж он, совсем дурак, если с тайным поручением едет, а своим именем называется? – удивился Никита. – Неужто придумать ничего нельзя было?

– Ты же видишь – он себя самым умным, самым богатым, самым красивым считает. А мы дикари и схизматики.

– А что такое «варварская?» – спросил Улан. – Почему он Русь так назвал? Обидеть хочет?

– Да он и не хочет, а обидит, – махнула рукой Василиса. – Ладно. Утро вечера мудренее. Спать пора. А утром уж отправимся... Куда ты хотел, Никита?

– На Туров нам надобно...

– Это, значит, через Друцк и Свислач... – рассудительно проговорил смоленский дружинник.

– Да, – кивнул парень. Он хотел добавить: «И Олекса Ратшич то же самое советовал», – но вовремя прикусил язык. Надо меньше болтать, а иначе вся Белая и Черная Русь будет знать, куда он собрался.

Никита поднялся, ощущая непривычную слабость в коленках. Неужели вино так подействовало? Украдкой взялся за край стола, чтобы не шатало.

– Утро вечера мудренее...

– Что это ты со мной соглашаться начал? – непритворно удивилась Василиса.

– А я сейчас со всеми согласен. Лишь бы спать отпустили.

– Тогда пошли.

Конопатый мальчишка – тот самый, что приносил яичницу, – отвел их наверх. Горенка, которую Молчан отвел парням для сна и отдыха, больше походила на собачью конуру – тесная, узкая, пыльная.

«Небось Андраша не в такой устроили, – подумал Никита, с наслаждением вытягиваясь на жесткой лавке. – А может, и в такой... Да какая разница? Лишь бы выспаться...»

За стеной бурчал недовольным голосом Мал. Василиса отвечал односложно: «Да! Нет! Не знаю! Отстань!» Последнее, что запомнил Никита, проваливаясь в глубокий сон, был громкий, со стоном и подвыванием, зевот Улан-мэргена.

Глава шестая

Студень 6815 года от Сотворения мира Нижний замок, Витебск

Никита проснулся от пронзительного визга.

– Уби-или-и-и-и!!!

Крик врывался в уши, будто раскаленный добела шкворень, отдаваясь ноющей болью.

– Уби-или-и-и-и!!!

С трудом, преодолевая тяжесть век, ставших вдруг неподъемными, парень открыл глаза.

В полумраке горницы плыли неясные тени. Понадобилось несколько мгновений, чтобы они притянулись друг к другу и явили распыленный криком рот, вздернутый нос, усеянный конопушками, и непокорные вихры, торчащие надо лбом.

«Где я видел это лицо? Ах да... Постоялый двор. Колченогий Молчан, рьяно отстаивающий необходимость поста перед венграми... А этот мальчишка – прислуга при корчме. Да что ж он так орет? Будто режет кто...»

Никита попытался встать и понял, что лежит не на лавке, а на полу. Должно быть, скатился ночью и сам не заметил. Не иначе, вино виновато. Сладкое, хмельное, оно как Иуда Искариот, примкнувший к верным ученикам Христа, апостолам. Пьется легко, согревает тело и веселит душу, зато потом отдается хуже заразной хвори. Не зря говорил Горазд – для мастера-бойца вино хуже яда, ибо заставляет руки дрожать, а ноги спотыкаться, затмевает разум и вселяет излишнюю гордыню, что почти неизбежно ведет к поражению в схватке.

«А кого же там убили?»

Парень хотел задать вопрос вслух, но из пересохшего горла вырвался лишь хрип.

Конопатый отшатнулся, словно услышал рычание медведя или шипение гадюки.

«Да что же это такое?»

Нужно вставать. Никита приподнялся на локте. Голова отозвалась нестерпимой болью, казалось раскалываясь изнутри.

«За что, Господи?»

Он схватился за лоб и почувствовал, что рука измазана чем-то липким и густым. Парень уставился на ладонь. Кровь? Откуда? Почему?

За спиной у орущего мальчишки выросла плечистая тень.

– Ох ты... – выдохнула она голосом Молчана. – Ох, беда-то какая... Что же ты натворил, лиходей? А ну, Данька! Бегом за стражей!

Вихрастый мальчишка метнулся, снова превращаясь для взора Никиты в смазанную тень, и исчез.

– А ты только дернись, головник! – пообещал корчмарь. – Враз по черепу огребешь! – Он многозначительно потряс тяжелым колуном.

«С кем это он говорит?» – Никита, с трудом ворочая затекшей шеей, огляделся. Кроме него, на полу лежал еще один человек. На спине, устремив седую бороду к грязному потолку. Что-то в его облике показалось смутно знакомым...

Мал?

Никита, забыв о тяжести и боли, рывком сел.

– Не балуй! – грозно прибавил Молчан, отшатываясь и занося топор.

Не взглянув даже на хозяина постоянного двора, Никита пополз к смолянину.

«Как же так, старый... Кто же тебя? За что?»

– Кому ж, кроме тебя? – визгливо выкрикнул витебчанин. Очевидно, последние слова парень произнес вслух. – У-у-у, головник! Креста на тебе нет!

Нательная рубаха Мала – старенькая и поношенная – пропиталась кровью на груди. Сразу и не разберешь, куда ударили и чем...

– Вон ножичек лежит, лиходея приблудный... – словно подсказал Молчан.

Несколько мгновений Никита осматривал тело, пока не обнаружил распаханное горло. Сила удара была такова, что лезвие рассекло гортань и мышцы до кости. После такого никто не выживет.

– Ишь ты, ползает... Вроде бы ни при чем! – бубнил в стороне витебчанин. – Ножик бросил. Думал, не дознаемся... Да ты на руки свои посмотри, головник...

– Где Улан? – сипло проговорил Никита.

– Кто?

– Улан-мэрген...

– Морда татарская, что ли? – почему-то обрадовался Молчан. – Спит! В дымину пьяный... Что за люди! А еще прикидывались...

«Кем я прикидывался?»

– С именитым гостем приехали! За одним столом с ним сидели!

«Заткнулся бы ты, а? Голова раскалывается...»

Никита угрюмо посмотрел на корчмаря. Тот зябко поежился и отшагнул за порог. Открыл рот, собираясь выдать новое обвинение, но замолк и сник.

Парень глубоко вздохнул, стараясь унять колотящееся сердце. Мысли отчаянно сопротивлялись, не желая собираться вместе, словно непослушные овцы на лугу – без хорошей собаки и не стонишь в кучу. Да, они приехали вчера затемно. Венгерский купец Андраш Чак угощал вином, вел непонятные разговоры – приглашал путешествовать вместе, кажется, заигрывал с Василисой. Да! А где смолянка? Ведь это, кажется, не та горница, где Никита засыпал, а их...

Ученик Горазда огляделся, преодолевая головокружение, – хорошо, что дальше пола не упадешь, а то, попытавшись встать, точно не удержался бы на ногах.

Василисы нигде не было. Но вроде бы в углу лежат два торока с ее дорожным скарбом. А может быть, показалось, и это просто-напросто густая тень, очертаниями похожая на мешок.

А что же случилось после того, как они отправились спать?

Память будто бы отшибло.

Неужели от вина? Или им что-то подмешали? Сонное зелье какое-то или дурман...

Да нет... Андраш пил из того же кувшина. А он где? Где его охрана и слуги? Уж они-то должны были прибежать первыми, заслышав вопли вихрастого Даньки.

И вдруг...

Сперва Никита не понял, что это: кошмарный сон, вызванный хмелем и усталостью, или явь, не менее страшная... Но потом нахлынули воспоминания. Среди ночи он почувствовал, что задыхается. Непреодолимая тяжесть навалилась на грудь, стиснула ребра. Он открыл глаза, но непроглядная темень не давала ничего разглядеть. Парень вскрикнул, не на шутку испугавшись. На краткий миг ему показалось, что он похоронен заживо. И тут же цепкие, сильные пальцы зажали голову, не давая пошевелиться. Хриплый голос шепотом произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.